
ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В недавно еще безлюдной пустыне Кара-Кумы, близ нового города Тахиа-Таша, строятся дороги.

Фото С. Фридлянда

На первой странице обложки: Сталевар Магнитогорского металлургического комбината имени Сталина, член Советского комитета защиты мира, лауреат Сталинской премии Владимир Александрович Захаров.

Фото И. Тункеля

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

ОГОНЁК

№ 20 (1301) 11 МАЯ 1952

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На трибуне мавзолея в день первомайской демонстрации 1952 года. Ученица первого класса 612-й школы г. Москвы Вера Кондакова горячо приветствует Иосифа Виссарионовича Сталина после вручения букета цветов. На снимке: **Г. М. Маленков, И. В. Сталин, Вера Кондакова и Н. А. Булганин.**

Фото Ф. Кислова

УТРО НОВОЙ КАХОВКИ

Фоторепортаж М. БУГАЕВОЙ

Раннее утро, но все кругом уже живет и движется. Одна за другой мчатся по дорогам автомашины. Едут строители, везут грузы, и весь этот поток направляется в Ключевую.

Ключевая — село, еще недавно славившееся лишь прекрасной родниковой водой. Ныне это центр огромного строительства. На пустынном берегу у села Ключевой появился шумный, быстро растущий город. Его называют Новой Каховкой.

За короткий срок проложены широкие улицы, выросло более 200 одноэтажных и около 50 двух- и трехэтажных домов, где поселились тысячи людей, приехавших в Каховку со всех концов страны. Открыты магазины, гостиница, парикмахерские. Заканчивается отделка здания поликлиники, идет строительство большой механизированной прачечной, детских яслей. Заложен фундамент Дворца культуры.

Иван Григорьевич Новиков (справа) и Александр Хомяков.

Один из недавно отстроенных одноэтажных домиков предоставлен электросварщику Петру Вакуловичу Ховану, приехавшему на стройку с Киевщины. Хозяина нет дома, и нас приветливо встречает его жена, Регина Венедиктовна.

— Вот наше хозяйство...

Две комнаты, прихожая, кухня, в которой уже установлена газовая плита.

— Когда мы ехали на стройку, — продолжает Регина Венедиктовна, — я не думала, что мы так скоро получим такую квартиру. Стройка ведь только начинается!

В здании будущей больницы электропроводку ведут монтеры из бригады мастера Ивана Григорьевича Новикова. Он прибыл сюда с первым отрядом строителей. Каховка особенно близка ему. В пору гражданской войны он дрался тут с врагами молодой Советской республики. Сейчас Новиков борется за выполнение плана строительных работ. Во время Великой Отечественной войны воевал за Каховку и электромонтажник Александр Хомяков. Когда Александр узнал о стройке под Каховкой, он сразу решил, что его место на берегу Днепра.

На снимке: Регина Венедиктовна Хован с сыновьями Васей и Виталием.

Ежедневно по железной дороге и водным путем в Каховку прибывают лес, кирпич, цемент, оборудование, новейшие машины. Вот и сегодня с утра большое оживление царит на пристани и железнодорожной станции. На пристани разгружают ящики с деталями сложных механизмов...

...Из Москвы прибыли грузовые автомобили.

...На железнодорожных путях стоят платформы с передвижной электростанцией.

Могучая техника, поступающая на стройку, попадает в руки замечательных мастеров своего дела, и они быстро пускают ее в ход. Задерживаться нельзя. На дворе весна. Пора браться за большие дела на решающих участках великой стройки. Земснаряд «Онега» недавно начал разработку котлована будущей ГЭС.

— Пройдет несколько лет, — говорит главный инженер Днепростроя П. А. Медведев,— и неузнаваемо преобразится наша Каховка. Поднимется плотина, засверкает огнями здание ГЭС, вырастет новый прекрасный город на Днепре. В засушливые степи юга Украины придет живительная влага. Южно-Украинский канал преобразит здешние земли.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ СТ

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. ГОСТЕВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Редакция получила письмо Г. Козина, работника Зерниекской МТС Латвийской ССР. Товарищ Козин пишет нам:

«Я родился, учился и работал в станице Цимлянской. Большая для меня радость, что в моих родных краях вступает в эксплуатацию первая из великих строек коммунизма, Волго-Донской канал.

После войны, во время отпуска, я побывал в станице Цимлянской. Моим глазам предстала страшная картина. Там, где раньше была веселая казачья станица, я увидел груду развалин. Где стоял мой дом, расстилалось ровное поле...

Прошло с тех пор немного времени. С волнением читаю я в газетах близкие, знакомые с детства названия и с гордостью произношу: «Новосоленовск, Цимлянский гидроузел...»

Я думаю, что и всем читателям «Огонька» будет интересно узнать, какие изменения произойдут в Цимлянском районе после пуска гидроузла, какие перемены вызовет Волго-Дон в жизни станицы».

До ночи горят костры на берегах Дона. Ветер раздувает жаркое пламя. Золотистые огни освещают седых казаков — сидят деды на буграх и смотрят на разливающееся Цимлянское море. А рядом, чуть повыше, на Набережной улице или Морской, гуляет под баян молодежь. Звонкий девичий голос запевает цимлянские частушки:

Море льется, море бьется, море наливается,
От Цимлянской до Москвы корабль
отправляется!

Станица Цимлянская становится настоящим приморским городом. Можно ли ее и назвать иначе, когда видишь живописно раскинувшиеся на крутом берегу моря каменные здания, просторные площади, прямые улицы, вокзал, школы, множество магазинов?..

У въезда в Цимлянскую со стороны моря возвышается арка. Въедем через нее в город...

Улица Ленина. Металлическая ограда. За ней белое каменное здание. Это Дом связи.

Светлый операционный зал. Дубовые барьеры. Здесь принимают почтовую корреспонденцию, выдают посылки. Людно. Работники почты всеми уважаемые Марфа Николаевна Сидельникова и Серафима Ильинична Кладько со многими посетителями беседуют, как с хорошо знакомыми им людьми: все эти взрослые мужчины и женщины когда-то прибегали на старую почту еще малышами и, едва поднимаясь до барьера, тянулись за маркой. Сидельникова работает на почте 30 лет, Кладько — 25.

Еще недавно Цимлянская отстояла от железной дороги на 80 километров. В летнюю пору доставляли почту и водой, по Дону. К старому дебаркадеру в «большую воду» приходили пассажирские пароходы. Буксиры и баржи приставали прямо к берегу. Теперь железная дорога пришла в станицу. Летом пойдут по Цимлянскому морю почтовые теплоходы.

Начальник конторы связи Николай Петрович Кузнецов дает справку: сейчас за один месяц обрабатывается 7 тысяч телеграмм, «проходит» 3 тысячи одних только междугородних телефонных разговоров — с Москвой, Ростовом, Ленинградом, Киевом, Свердяовском; обрабатывается более ста тысяч корреспонденций. И еще одна справка: жители Цимлянской ежемесячно получают почти 50 тысяч экземпляров газет и журналов. Объем работы увеличился по сравнению с довоенными годами едва ли не в 20 раз.

Николай Петрович знакомит нас с Домом связи: вот радиоузел, междугородняя телефонная станция, телеграф...

Если перейти площадь, прилегающую к Дому связи, то увидишь новый кинотеатр «Родина», который мог бы украсить любой город. Здесь встретили мы председателя сельского совета Михаила Андреевича Хохлачева.

— В старой станице кинотеатр помещался в переоборудованном амбаре, где хранили зерно. Была у нас слабенькая электростанция. Теперь в Цимлянской новый театр и изобилие электрической энергии.

Поехали по станице Цимлянской. Кругом красивые дома с открытыми верандами, скверы, сады и множество котлованов: строят Дом советов, строят баню, школы, ясли, детские сады, большие жилые здания, гостиницу, Дом печати...

Хохлачев обращает наше внимание на новые названия улиц — Морская, Набережная, Портовая...

Михаил Андреевич — коренной житель станицы, казак. Отсюда он ушел на фронт. Участник Сталинградской битвы, с казачьим кавалерийским корпусом он дошел до Эльбы. Наводил мосты через Дон, Днепр, Березину. Освобождал свою родную Цимлянскую. Теперь Хохлачев строит новую солнечную Цимлянскую.

— Изменяется жизнь станицы,— говорит Михаил Андреевич,— как и всего нашего края. Впервые в мировой практике освоение земель идет одновременно со строительством огромной оросительной системы. Казаки становятся машинистами насосных станций, поливальщиками, хлопкоробами и рисоводами.

Панорама строительства Цимлянской плотины.

Молодежь Цимлянской в последний раз совершает экскурсию по дну будущего моря.

Въезд в станицу Цимлянскую.

Дом связи.

АНИЦА

Идем по Набережной улице. Большое, красиво оформленное здание школы стоит на берегу моря.

Директор цимлянской средней школы № 1 Иван Степанович Лобанов ведет нас по этажам, показывает классы, кабинеты.

— Первого сентября начали учебный год в новом здании,— говорит Лобанов.— Учится у нас около 800 мальчиков и девочек. Есть интернат. Школа наша не единственная в Цимлянской, в станице их четыре.

В тот день учащиеся ходили на строительство Цимлянского гидроузла. Ребята побывали на плотине, на шлюзах, в порту, видели монтаж турбин в машинном зале. Теперь стояли они около школы и смотрели на плотину, по которой только что ходили...

Заглянули мы в казачьи курени Василия Алексеевича Туголукова, Андрея Михайловича Самодурова, Михаила Николаевича Четверикова — одними из первых переселились они сюда со дна будущего моря.

— Была здесь степь, жаркая, знойная,— говорит Туголуков.— Росли подсолнухи, были арбузные бахчи. Переселение началось в апреле 1951 года. Тракторы, машины перевозили дома, сараи, утварь. Государство помогло каждой семье обосноваться на новом месте, построить отличные курени.

Приезжаем на вокзал — в степи появилось новое, светлое здание железнодорожной станции. С грохотом проходят эшелоны. Везут машины, металл, цемент, уголь. На вагонах написано: «Станция Цимлянская».

За станцией раскинулись виноградники. Совхоз перевез со дна моря 180 тысяч лоз лучших сортов винограда. На новых плантациях траншеекопатели прорыли глубокие рвы. Их засыпали плодородной землей, доставленной сюда со старых виноградников. На машинах перевезли и тысячи кустов. Автокраны бережно опускали их в траншеи.

Кусты прижились на новом месте. В этом году после уборки урожая заработает новый, полностью механизированный завод шампанских вин. Он будет давать ежегодно три миллиона бутылок...

Едешь по станице — и все время слышишь гул машин, удары топоров, визг пил. Цимлянская растет, строится!

* * *

Секретарь Цимлянского райкома партии Петр Дмитриевич Дудин показывает нам генеральный план, по которому застраивается станица.

— Большое будущее у Цимлянской,— говорит Дудин.— Мы получили более 150 миллионов рублей на наше строительство. Партия и советское правительство заботятся, чтобы древняя казачья станица стала красивым, благоустроенным приморским городом. На базе электрификации перестроится сельское хозяйство района: со временем у нас появятся электрические тракторы и комбайны. Электричество облегчит труд хлебороба, будет выполнять основную трудоемкую работу в колхозах и совхозах. В станице разместится Управление Цимлянской ГЭС, и, таким образом, наше приморское селение станет центром распределения электрической энергии для шахт и заводов Донбасса, колхозов, транспорта, оросительной системы. Станица будет электрической. Изобилие энергии обеспечит развитие промышленности в Цимлянском районе: появятся новые заводы, фабрики, мастерские, электрифицируется железнодорожный транспорт.

Генеральный план строительства новой станицы Цимлянской, составленный архитекторами, учеными и инженерами, позволяет видеть близкое будущее настоящего приморского города, каким становится Цимлянская, увидеть ее «завтра»: большие дома, парки, скверы, промышленные предприятия, Дворец культуры, Дом советов...

Привольно раскинется на большой территории живописная «электрическая станица»!

Марфа Николаевна Сидельникова (слева) принимает почту.

Цимлянская средняя школа № 1.

Здесь собралась вся смена. Скоро люди разойдутся по местам, и гигантский цех покажется безлюдным.

ЛЮДИ „безлюдного" ЗАВОДА

В. АПРЕСЯН

Фото И. Тункеля

Человек всегда хочет знать о жизни в будущем, при коммунизме. Что, например, будет делать рабочий, когда различие между трудом физическим и трудом умственным станет несущественным? На этот вопрос вместе с теоретическим ответом уже сегодня можно получить ответ также и практический, ознакомившись с трудами и делами людей одного «безлюдного» завода.

Мы говорим «безлюдного» по впечатлению, которое производит громадный корпус автоматического завода автомобильных поршней на каждого впервые посетившего его человека. По привычке ожидаешь увидеть сотни людей, а их единицы. К тому же они попадаются на глаза не сразу, а только когда подойдешь к шумно и быстро работающим машинам.

Возле них стоит «без дела» человек, иногда «сложа руки». Вниманием пришедшего тотчас же овладевают машины. Необычное зрелище приковывает к себе его взгляд, и он испытывает чувство восхищения и даже недоумения, словно опасаясь, что все происходящее перед ним — обман зрения, что он попал в мир фантастики, который может вдруг исчезнуть.

Из грубого слитка металла на глазах рождается блестящая, точная и красивая деталь. Она возникает без прикосновения к ней человеческих рук, возникает в результате комбинированных движений и взаимодействий транспортеров, механизмов, изящно изогнутых рычажков; движений по прямой и кривой, то плавных, то умеренно скорых, то очень быстрых.

Делай своими руками все эти сотни различных движений искусный мастер, оперируй он, как здесь, одновременно множеством инструментов, совершай около тридцати операций, сотвори он столь строгую по формам и размерам красивую деталь — его труд сравнили бы с творчеством художника. Но работу машин, созданных самим человеком, сравнить не с чем, и потому, очевидно, люди, не найдя слов для выражения своих мыслей и чувств, восклицают:

— Как в сказке!

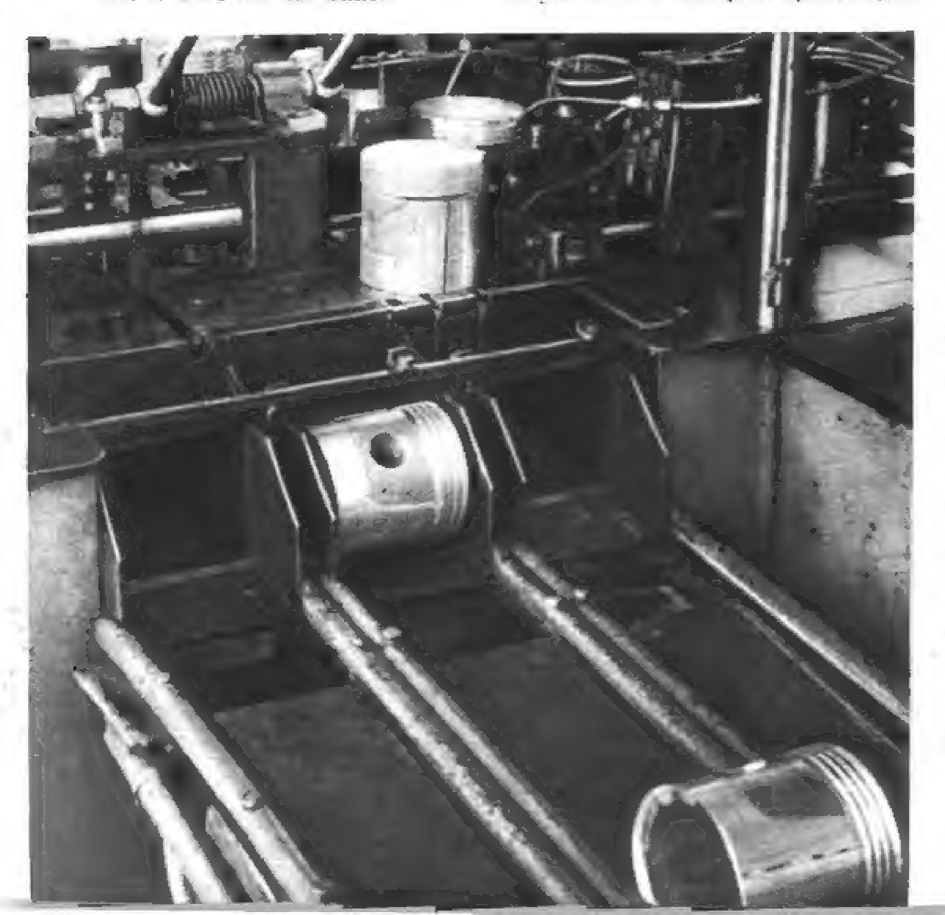
Увлеченный сюжетом «сказки», пришедший хочет «прочитать» ее основательно, с первой страницы, невольно забывая о «бездействующем» человеке. Если сбросить кавычки, то сказка-быль выглядит примерно так.

Транспортер везет алюминиевые слитки к огромной печи, внутри которой виден бассейн расплавленного металла. Печь непрерывно отпускает небольшими порциями жидкий алюминий, но уровень его в огненном бассейне не падает. По приказанию специального аппарата от времени до времени транспортер бросает в печь слиток, равный по весу убыли металла из бассейна. За печью стоит литейная машина, которой дозатор «честно» отпускает определенное количество граммов металла. Попав в формы литейной машины, порции жидкого алюминия моментально превращаются в заготовки поршней. Чтобы ускорить процесс затвердения горячего металла, механизмы тотчас же обдувают отливки воздухом. После этого заготовка попадает в камеру с определенной температурой. Побывав в камере несколько часов, алюминий продолжает свой путь. Далее над изделием совершается более двух десятков механических операций. Машины проверяют твердость металла, сверлят, обтачивают поршни, шлифуют, контролируют размеры. Заканчивает весь цикл упаковочная машина. Она заворачивает поршни в вощеную бумагу, кладет их в картонную коробку и заклеивает ее.

Вначале — слиток, в конце — ящик с готовой продукцией и адресом потребителя. Между этими двумя пунктами изделие путешествует, постепенно формируясь, сквозь печи, бункеры и машины по прямой линии. Но, несмотря на прямизну линии, путь его не гладок. На линии агрегатов поршень подстерегают всевозможные неожиданности, которые нужно предвидеть и во-время предупредить.

Вот тут-то пора бы выступить на первый план рабочему. Кому же предвидеть, предупредить брак, аварию, как не разумному существу — человеку? Но нет, оказывается, выход его на сцену был бы преждевременен. Зачем беспокоить человека, если всюду предвидят, предупреждают брак и случающиеся весьма редко по-

Контрольный автомат поставил клеймо. Поршень катится к упаковочной машине, потому что размеры его точны. В противном случае планка под ним провалилась бы, и он упал бы вниз.

ломки, дают тревожные сигналы сами машины, вернее, приборы?

На линии много лампочек, горящих красным светом в полнакала. Это значит, что пульс машин бьется нормально, что одновременно в десятках их узлов точно и хорошо выполняются все операции на сотнях поршней. Но вот лампочка вспыхивает ярким светом... Брак? Поломка инструмента? Авария машины?.. Скорее подскочить бы рабочему и остановить агрегаты! Однако и здесь, оказывается, в его вмешательстве нет нужды, ибо машина сама остановила себя. А сигналами она лишь «просит» человека о неотложной помощи. «Ну, наконец-то нашлось дело и человеку! — подумает тот, кому уже не терпится видеть его в работе.— Придется наладчику сейчас поискать внутри агрегата, среди нескольких узлов и сотен деталей, именно ту деталь, которая отскочила или сломалась». Но и на этот раз выход человека на сцену был бы несколько преждевременным, ибо на специальном приборе машина сама показывает, что и в каком месте у нее «болит».

По ходу работы машины отбраковывают и отбрасывают негодные детали, ставят клеймо, регулируют движения своих частей и узлов. Этими действиями руководятся приборы. Они как бы командуют: «Головкам вступать в работу!», «Не вступать в работу!», «На возврат!», «На транспортировку!» И станки послушно выполняют эти безмолвные команды.

По общеизвестному определению, станок — как бы продолжение руки человека, помогающее ей делать вещи быстрее, вернее и численно больше. О машинах советского автоматического завода хочется сказать, что они являются также и продолжением разума человека.

Советский человек здесь передал всю свою физическую работу в основном производственном процессе машинам; он поручил им и частицу своей умственной работы, чтобы не отвлекаться по мелочам, а заниматься основным, быть главнокомандующим над всеми командующими приборами.

И поэтому советский человек является главным героем нашей сказки-были о «безлюдном» заводе.

В деятельности рабочего автоматического завода не меньше нового, чем в работе самих машин. Здесь прежде всего меняется наше представление об уровне квалификации рабочего при высокой технике и организации производства. По мере роста автоматизации станков в массовом производстве труд человека упрощается. Это дает возможность привлечь к работе людей невысокой квалификации. Однако полная автоматизация, как мы это видим на примере завода поршней, наоборот, ставит перед рабочим необычайно высокие требования, ибо он становится тружеником нового типа, свободным от физического труда при обработке изделий. На заводе-автомате он наблюдает за ритмом машин, производит наладку сложнейших механизмов, становится, попросту говоря, механиком. Он умеет читать сложные чертежи, знает схемы машин, приборов, делает ремонт, имеет знания по теории автоматики, теории электричества, теории резания, теории гидравлики, пневматики, металловедения и т. д.

Лучший наладчик литейного участка Александр Петрович Рамбовский. Он обучил своей сложной профессии шестерых стахановцев.

Автоматический завод потребовал ничтожное количество людей: всего 12 человек в смену. Руководство завода своевременно позаботилось о подборе рабочих для будущего производства поршней. Из цехов были выделены стахановцы, рационализаторы, имеющие квалификацию не ниже шестого разряда, и мастера с инженерным образованием.

Их направили в Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков, где создавалось оборудование «безлюдного» завода. Обращению с чудесными машинами рабочих обучали их конструкторы, известные ученые-станкостроители Дикушин, Щербаков, Левин, Захаров, наладчик Сорокин и другие. Помимо практического показа работы, приемов сборки, наладки, рабочим читали увлекательные лекции о новой технике.

Стахановцы и мастера под руководством конструктора Захарова сами смонтировали сложные агрегаты. При помощи наладчика Сорокина произвели наладку и приступили к работе.

Нельзя было, строя впервые завод-автомат, предвидеть и сразу решить все проблемы, достигнуть во всем предельного совершенства.

Еще вчера ученики конструкторов, стахановцы и мастера стали теперь критиками своих учителей. Они вскрывали отдельные конструктивные недочеты машин и вместе с учеными устраняли их, улучшали элементы механизмов и взаимодействия машин.

Они увидели свое призвание не только в том, чтобы наблюдать за пульсом машин, управлять, командовать ими, но и в том, чтобы в содружестве с учеными участвовать в дальнейшем процессе совершенствования нового вида производства.

При изломе инструмента на так называемой центровочной операции поршень нельзя было зажать для дальнейшей обработки. Продолжая свой путь, поршень срывался с места, вихлял, вертелся, портил механизмы, а лампочка спокойно горела в полнакала. У «чуткой» аппаратуры, дающей сигналы о каждом, даже пустяковом нарушении нормальной работы, не было «нерва» для центровочной операции.

Вместе с начальником линии Карачуном энергетик Антонов и наладчик Кушманцев создали и поставили возле места, где совершается центровочная операция, механического «сторожа» — они так и назвали его. Теперь «сторож» бдительно наблюдает за работой, в случае поломки инструмента — немедленно останавливает линию.

Стахановцы вмешиваются в процесс конструктивных изменений машин во имя повышения их производительности. Так была переделана делительная головка станка. Ускорение поворотов поршня при сверлении убыстрило весь цикл работы. Это заинтересовало коллективы завода и института. Можно ли таким же путем поднять темпы производства на всей линии? Над этой проблемой сейчас работают новаторы. Быть может, придется внести — уже внести! — стахановскую поправку в проектную мощность завода.

Замечания и поправки возникают каждый месяц и у рабочих и у конструкторов. Мысль движется вперед непрерывно, не успокаиваясь. Многое откорректировано в тесном содружестве с учеными, и уже теперь на линии, устанавливаемой рядом с первой, не будет тех недочетов, которые были на ней вначале, и уже теперь вторая линия, построенная под руководством тех же конструкторов, явится шагом вперед по сравнению с первой линией.

После монтажа линии сложнейшие автоматы не сразу покорились людям. Это было закономерно для периода освоения. Не хватало наладчиков на все смены. Начали действовать кружки по повышению технических знаний.

Бывший воспитанник коллектива ЗИС наладчик Александр Петрович Рамбовский взялся обучить своему мастерству молодых стахановцев. Обучал он их у рабочего места, показывая на практике методы наладки, объяснял им «анатомию» литейного автомата, дозатора и других приборов. Этот труд, сопровождаемый лекциями стахановца,— своеобразная учеба, которая была одновременно и борьбой за выполнение норм литейного участка. Росли новые наладчики, росла и производительность машин.

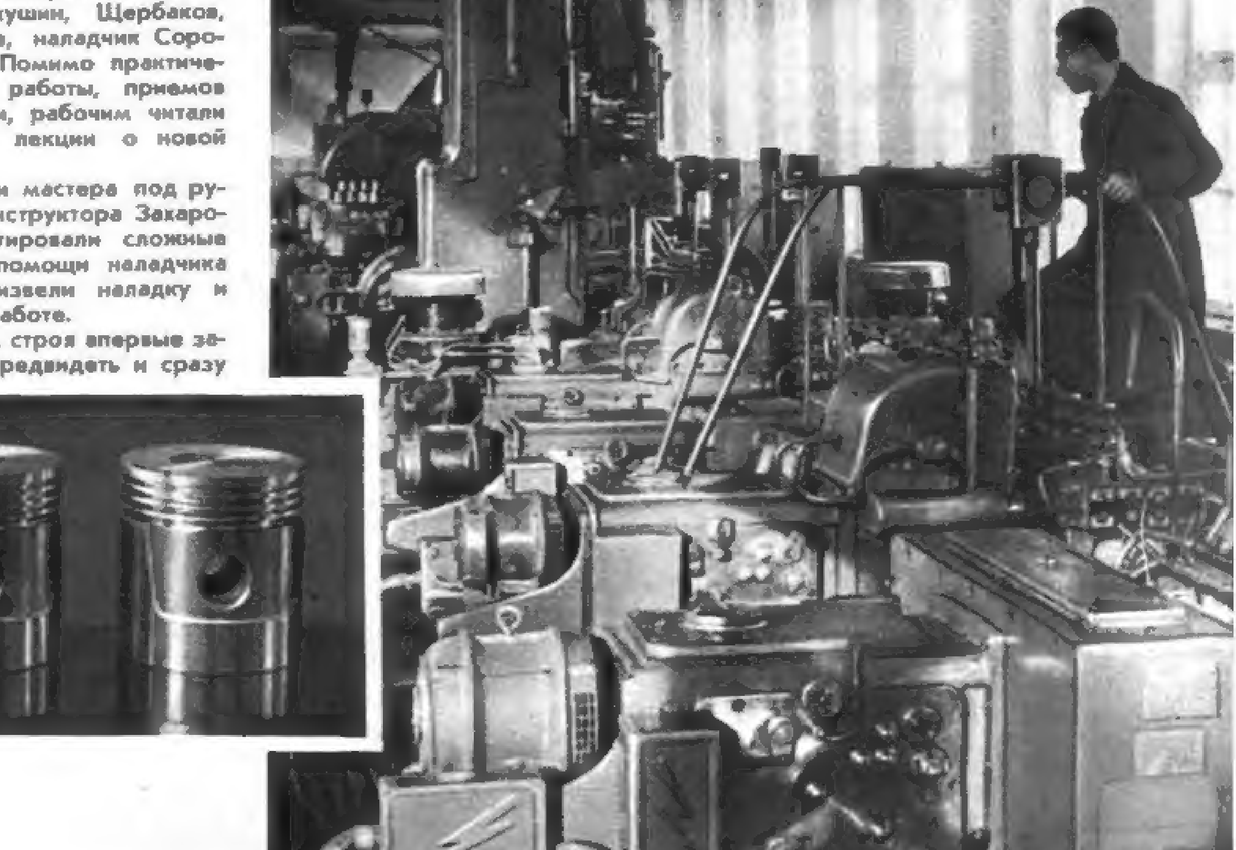
Примеру Александра Рамбовского последовали наладчики механического участка Александр Федорович Кушманцев, Иван Сазонович Коваленко, энергетик Василий Егорович Антонов и другие...

На вопрос о том, как будут трудиться рабочие при коммунизме, хотелось бы ответить, указывая на работу коллектива завода-автомата: примерно так.

Сегодня вошедший в здание автоматического завода испытывает чувство, будто он совершил экскурсию в коммунизм.

Эти автомобильные поршни сделаны из слитка металла без прикосновения к ним человеческих рук.

Наладчик И. Коваленко работает отлично, поэтому он стоит «без дела».

Я ВИДЕЛ НОВЫЙ КИТАЙ

Письмо из Пекина

Джеймс ЭНДИКОТТ,
член Всемирного Совета Мира

Джеймс Эндикотт осматривает бактериологическую бомбу, сброшенную американским самолетом в Северо-Восточном Китае.

Это — мое первое посещение Китая после его освобождения. По пути в Китай нам с женой была предоставлена возможность побывать в одной из советских среднеазиатских республик — Узбекистане. Мы поистине были поражены всем тем, что увидели в Ташкенте и в прилегающих к нему районах. Я имею в виду не только прекрасные сооружения, как, например, Дворец рабочих хлопкового комбината или новый оперный театр. Наибольшее впечатление на нас произвела бодрая, сверкающая оптимизмом вера узбекского народа в свое будущее, глубокое понимание тех планов перестройки жизни, которые они осуществляют. Такие вещи трудно забыть, особенно когда узнаешь все это впервые и видишь собственными глазами.

В большом хлопководческом колхозе наши приветливые и счастливые хозяева преподнесли нам подарок: яркие цветные узбекские халаты. Как просто и непринужденно чувствовали мы себя среди этих проявлений дружбы и гостеприимства! Я даже позволил себе протанцевать местный национальный танец с одной славной девушкой — сборщицей хлопка. Моя жена и другие зрители чуть не умерли от смеха при виде моего танцевального искусства. Я уверен, что это был единственный в своем роде балетный номер, имея в виду мои 200 фунтов веса и замечательную грациозность моей партнерши. И мы сообща решили назвать этот танец «танцем слона и бабочки».

Посещение советского Узбекистана помогло нам разобраться во многом, когда перед нами предстала картина обновленного Китая.

Как отличны первые же мои впечатления от тех, которые я испытал 20 лет назад, находясь в Китае в качестве миссионера! Контраст настолько резок, что вначале трудно поверить глазам. Ничего не осталось от прежнего ощущения вековой безнадежной нищеты. Сегодня каждый китаец имеет пищу и одежду. Повсюду атмосфера уверенности.

На нашем первом завтраке в китайской столовой один из сопровождавших нас китайских писателей стал заботливо объяснять нам то, что мы увидели. Он говорил на английском — и вдруг узнал, что я могу с ним разговаривать по-китайски.

— Сейчас все у нас по-другому! — воскликнул он.— Мы, рабочие, можем теперь говорить полным голосом, и правительство прислушивается к нам. А ведь в прошлом мы не смели даже рта открыть...

В деревне, находясь среди крестьян, мы особенно глубоко почувствовали те огромные революционные перемены, которые легли в фундамент нового, народного Китая. Представьте себе 300 миллионов крестьян, получивших землю и готовых плясать от радости! Эта земельная реформа — событие исторического масштаба, способное поколебать устои системы колониального угнетения во всем мире. Теперь китайские крестьяне создают группы взаимопомощи, строят кооперативы и идут по пути к большому коллективному механизированному хозяйству.

Вместе с поэтами Жоржи Амаду из Бразилии и Николасом Гильеном из Кубы мы гостили в китайской деревне, где уже проведена земельная реформа. Мы слушали одного крестьянина за другим. Все они разными словами выражали одну и ту же мысль: «Раньше у меня не было ничего, теперь я имею землю и место, где жить. У меня есть жена и дети. Мои дети могут пойти в школу и выйти в люди, как и каждый человек в нашей стране сегодня».

Говоря о своих детях, крестьяне не мечтали, они говорили о том, что есть в действительности. В беседе с вице-министром народного просвещения мы получили точные сведения о новой системе образования в Китае. Она открывает двери в университет и высшие технические школы всем рабочим и крестьянам...

Я собрал во время пребывания в Китае коллекцию новых песен и музыкальных мотивов, выражающих радость и удовлетворение крестьян тем, что дала им земельная реформа. Один 80-летний старик сам сложил песню. Она построена на игре слов «мед» и «поле», которые произносятся по-китайски одинаково:

> Я прожил 80 лет,
> Я плакал 80 лет.
> Теперь я имею поле.
> Слаще, чем мед, это поле:
> Мед — это минутная сладость,
> Поле — это сладость навечно!

Я расспрашивал крестьян, какие песни они пели до земельной реформы. Они пропели мне одну из них:

> Над головой бедняка —
> три тяжелых меча:
> Тяжелая аренда,
> тяжелые проценты,
> тяжелые подати.
> Перед бедняком —
> только три дороги:
> Умереть с голоду,
> прыгнуть в реку,
> сесть в тюрьму.

Теперь китайская деревня поет о другом:

> Если бы каждое дерево
> стало пером,
> Если бы все моря
> превратились в чернила,
> Если бы уже научились писать
> все люди Китая,—
> Всего этого было бы еще мало,
> Чтобы выразить нашу любовь
> к председателю Мао!

Одна из бросающихся в глаза черт нового Китая — это безграничный интерес всего народа к Советскому Союзу. Общество советско-китайской дружбы насчитывает 23 миллиона человек. Народ смотрит советские фильмы. Советские книги и журналы, переведенные на китайский язык, широко распространяются по стране. Это разительный контраст с теми днями, когда клика Чан Кай-ши и американские хозяева правили в Китае. Тогда каралось как преступление упоминание о Советском Союзе и тем более правдивый рассказ о нем. Теперь же правда об огромных достижениях Советской страны становится достоянием и воодушевляет миллионы трудящихся китайцев.

В прошлом антисоветская клевета чрезвычайно интенсивно распространялась во всех американских и английских миссионерских школах и колледжах в Китае. Теперь эта клевета, как бумеранг, ударила по самим клеветникам. В университете, где некогда президентом был д-р Л. Стюарт, впоследствии американский посол у Чан Кай-ши, сейчас развернута для студентов огромная выставка. Эта выставка не только документально изобличает американцев во лжи о Советском Союзе, но и вскрывает на убедительных фактах преступления самих американцев против Китая, в частности использование религии и миссионерства в интересах американского бизнеса. Выставка показывает также всю фальшь американских так называемых «исторических исследований», которые пытались изобразить великую китайскую революцию как «интриги Москвы» и т. п. Такого рода клевета в изобилии распространялась пресловутым «Голосом Америки», находила себе приют во всех прежних христианских учреждениях, состоявших под контролем американцев. Должен признаться, что, поскольку я сам когда-то был миссионером в Китае, мне больно и тяжело вспоминать обо всем этом, но истина выше, чем личные переживания отдельного человека...

Да, в этой огромной стране доверие к американским колонизаторам подорвано окончательно. Теперь в Китае никто не верит американской пропаганде. Американцы и англичане в Китае сами себе вынесли приговор своим постоянным стремлением держать народ вдалеке от правды.

Находясь в Китае, я убедился, что народ отнюдь не напуган очевидным намерением американцев развернуть агрессивную войну у юго-восточных границ Китая. Китайцы хорошо понимают значение и силу Китайско-Советского договора. Кроме того китайцы желают дружбы с японским народом, желают восстановления большой и обоюдовыгодной торговли между Китаем и Японией. Все это будет служить серьезным препятствием военным планам Соединенных Штатов на Дальнем Востоке.

Путешествие в Китай оставило во мне неизгладимый след. Вернувшись обратно к себе на родину, в Канаду, я с обновленной решимостью буду работать над расширением движения за мир во всем мире. Я буду работать над тем, чтобы скорее пришел день, когда будут установлены дружеские отношения и экономические связи между Канадой и великим новым Китаем.

Перевод с английского

Доктор Дж. Эндикотт и бразильский писатель Жоржи Амаду в гостях у китайского крестьянина Лао Фу.

Машинисты угольного комбайна (слева направо) М. К. Халимошкин, Е. К. Стародубцев и В. Е. Сутоняко знакомятся с новой горной техникой в кабинете изобретателя и рационализатора Министерства угольной промышленности. Знатным горнякам Сутоняко, Стародубцеву и Халимошкину за участие в изобретении и внедрении угольного комбайна для разработки маломощных крутопадающих угольных пластов присуждена Сталинская премия первой степени.

Фото Г. Зельма.

Перед началом занятий в детском танцевальном коллективе магнитогорского Дворца культуры металлургов

Фото И. Тункеля.

КОЛХОЗНЫЙ УРОЖАЙ ЗАЙМОМ УМНОЖАЙ!

ВО ИМЯ СЧАСТЬЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Миллионы советских людей в минувшую неделю единодушно подписывались на выпущенный по постановлению Советского правительства Государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1952 года). И перед мысленным взором каждого из них вставала могучая Советская держава, крепнущая, богатеющая год от года, последовательно осуществляющая сталинскую политику мира.

— Волго-Дон... Близится день его пуска. Тринадцатый шлюз наполнен водой. Плывут корабли по Цимлянскому [redacted]

— Юг Украины. Каменско-Днепровский район. Вступила в строй Каменская оросительная система.

— Гагра. Закончено строительство нового кинотеатра. Полным ходом идет сооружение санатория нефтяников.

— Рязань. Осенью тут открывается индустриальный вуз.

Вот обычная для нашей жизни хроника дел, которыми отмечены несколько майских дней. Они красноречиво характеризуют мирные цели советских займов, выпускаемых правительством, которое все свои усилия направляет на развитие гражданской промышленности, сельского хозяйства, улучшение жизни и быта миллионов тружеников.

Стройки коммунизма, новые заводы и фабрики, институты и курорты, школы и жилые дома — вот куда идут советские займы. Для того, чтобы мирная страна социализма процветала и дальше, чтобы жизнь советского человека была еще краше и счастливей, наш народ вновь дает взаймы свои трудовые сбережения. Этой мыслью были проникнуты взволнованные речи советских патриотов на многочисленных митингах, прокатившихся от края до края нашей земли. Старый металлург и молодая ткачиха, экскаваторщик и академик, водитель поездов и тракторист, колхозник и горняк — все они в своей повседневной личной жизни ощущают великую силу основного экономического закона социализма — максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества. Потому-то с такой уверенностью, готовностью, единодушием ставили они свои подписи на маленьком белом бланке подписки на заем.

Огромные успехи, достигнутые Советским Союзом во всех областях хозяйственного и культурного строительства, рост числа рабочих и служащих, фонда заработной платы, снижение цен — все это значительно повысило материальное благосостояние трудящихся. Это позволяло выпустить в нынешнем году Государственный заем на сумму бо́льшую, чем в предыдущем году. Тем не менее Советское правительство решило не увеличивать сумму выпуска Государственного займа и оставить ее на уровне 1951 года. Таково еще одно свидетельство того, сколь могуча экономика страны социализма, где займы играют хотя и важную, но вспомогательную роль в финансировании народного хозяйства.

— Наши займы идут на мирное строительство коммунистического общества. У них, у капиталистов, займы служат подготовке новых захватнических войн.

Так говорили советские люди, подписываясь на заем. Это голос народа — творца новой счастливой жизни, голос народа, уверенно идущего под знаменем Ленина — Сталина к коммунизму!

Плакаты художника Б. Березовского.

Курс на родину

В южном полушарии нашей планеты сейчас глубокая осень. У берегов Антарктиды, где шла [redacted] китобойная флотилия «Слава», бушуют снежные метели, не утихают ураганные ветры, штормы ломают льды, сталкивают айсберги.

Коллектив советских китобоев успешно закончил охоту на китов. Корабли флотилии взяли курс на север — к берегам Родины.

Радиограммы капитана-директора флотилии Героя Социалистического Труда Алексея Николаевича Соляника рассказывают о том, как шел промысел. Штормы и туманы осложняли охоту. Но советские моряки, используя накопленный в прошлых рейсах опыт, выполнили повышенное задание.

Победителем в соревновании вышел экипаж промыслового судна «Слава-5». Гарпунер «Пятерки» Василий Логинович Тупиков побил все рекорды, установленные в прошлые рейсы гарпунерами флотилии. Он один загарпунил 372 кита — успех, неслыханный в истории китобойного промысла. Для перевозки по железной дороге жира, добытого из этих китов, потребовалось бы несколько железнодорожных составов.

Успешно вели промысел гарпунеры Герой Социалистического Труда Афанасий Пургин, Григорий Панов и молодой гарпунер Григорий Овсянников — ученик Пургина.

Все танки флагманского судна флотилии заполнены пищевым и медицинским жиром. В трюмах — кормовая мука для скота, выработанная из китового мяса и костей. Но то, что везет с собой флотилия, — это лишь половина всей продукции «Славы» за время промысла. Другая половина уже доставлена в Одессу танкером «Кремль».

В отличие от иностранных флотилий, идущих в Антарктику только лишь с целью наживы, советские люди изучают природу южных широт, помогают людям науки раскрыть тайны этих малоисследованных мест земного шара.

Для Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова собраны образцы горных пород, почвы и растительности островов Антарктики. Среди экспонатов скелет кита, череп кашалота, чучела птиц Антарктики.

Китобои везут с собой и живых представителей пернатого мира Южного Заполярья — пингвинов. Одни из них станут жителями столичного зоопарка, другие предназначены в «актеры»: их ждет известный дрессировщик Владимир Дуров.

Сейчас флотилия находится на пути в Одессу.

Радио доносит в далекие воды голос Родины, вести о трудовых победах нашей страны, занятой мирным, созидательным трудом, слова привета от друзей. На днях китобои получили поздравительные радиограммы от Министерства рыбной промышленности, от партийных организаций Одессы в связи с успешным завершением промысла. Скоро в Одесский порт войдут корабли китобойной флотилии, завершающей шестой рейс в Антарктику.

Н. КАРЕВ

Гарпунер китобойца «Слава-5» В. Л. Тупиков — победитель соревнования на промысле во время шестого рейса.

Фото Е. Света

Старейший сибирский текстильщик

В Барнауле на Меланжевом комбинате работает один из старейших текстильщиков — монтажный мастер прядильных машин Гордей Васильевич Гусев. Потомственный ивановский текстильщик приехал сюда, в Сибирь, в годы первой пятилетки, когда только начиналось сооружение комбината. На его глазах росли новые корпуса, своими руками он устанавливал в цехах первоклассные советские машины.

Гордей Васильевич — один из знатных людей комбината. Общественность тепло приветствовала его по случаю 45-летия производственной деятельности в текстильной промышленности.

Г. В. Гусев теперь называет себя сибиряком. Он полюбил этот край и навсегда обосновался здесь. Его избрали депутатом Барнаульского городского совета, и Гордей Васильевич много внимания уделяет благоустройству Барнаула. Гусева часто можно видеть разъезжающим по городу на собственной машине «Москвич» — он проверяет, как идет жилищное строи[redacted]

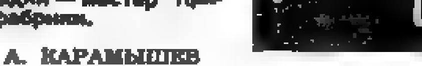
Вместе с Гордеем Васильевичем на комбинате трудится и его сын Геннадий. Отец ремонтирует прядильные машины, а сын работает на них: Геннадий — мастер прядильной фабрики.

А. КАРАМЫШЕВ

Геннадий Гусев (справа) принимает отремонтированную машину от Гордея Васильевича. Слева — мастер ремонтного отдела В. Г. Чигирев.

Фото Н. Калинина

«ГРИФ» ИДЕТ В МОРЕ

В Калач-на-Дону прибыл железнодорожный эшелон с... кораблями. Теплоходы, установленные на платформах, возвышались над вагонами и строениями станции. Речники в темной форме с золотыми якорями на погонах и пуговицах ходили около платформ, осматривали суда, толкуя о том, как придется им плавать по новому Цимлянскому морю.

В этом маленьком эпизоде отразилось прошлое и будущее огромного края: много лет подряд суда перевозились по сухопутью с Волги на Дон, чтобы от Калача шли они своим ходом до Азовского и Черного морей. В последний раз прошел маршрут с кораблями через степь. Близок день, когда караваны судов двинутся по Волго-Донскому судоходному каналу.

Теплоходы спускаются на воду, и вот они уже качаются на крутой волне.

В теплые весенние дни пристань в Калаче необычайно оживлена — около облицованного камнем берегового откоса, неподалеку от достраивающихся причалов порта, стоит, сверкая свежей краской, теплоходы и катеры Средне-Донского технического участка пути. Суда эти используются для доставки путейцев к строящимся маякам и местам, где устанавливаются громадные створные знаки, морские буи и ревуны, а другие теплоходы уходят с лоцманами для прокладки судового хода по самому молодому морю.

На речном теплоходе лоцманской службы спускаемся вниз по Дону к Цимлянскому морю. Под Калачом Дон еще выглядит обычно, как всегда весной: неудержимо катит он свои мутные, желтоватого цвета воды. Но чем дальше на юг, тем шире становится Дон, отступают его берега. Неоглядным кажется водный простор. Виден хутор Кумовской, живописно раскинувшийся на высоких холмах правобережья; слева открывается устье Волго-Донского судоходного канала.

Раздвинулись закованные в бетон и камень дамбы, на оконечностях которых все явственнее обозначаются контуры строящихся маяков. Строительные леса еще скрывают их каменные башни, но уже сейчас можно представить эти мощные сооружения, с которых по ночам будут светить зеленые и красные огни. За маяками строго и четко пролегли берега канала. Первые катера снуют по Донскому склону новой водной магистрали.

Продолжая свой путь вниз по Дону, наш теплоход «БТ-16» минует широкое устье канала, и разлившаяся по-весеннему река принимает очертания настоящего моря. Разыгравшийся ветер гонит пенистые волны. Палуба кренится. Даже в рулевую рубку залетают сверкающие на солнце брызги.

Горизонт пустынен,— кто будет плавать в эту пору по только что созданному морю! Но вдали показывается быстро увеличивающийся силуэт теплохода. Капитан нашего судна сообщает: «Гриф» идет!..»

Встречаясь, корабли приветствуют друг друга сигналами.

...И вот мы стоим на палубе «Грифа» рядом с начальником лоцмейстерской службы Средне-Донского технического участка пути Иваном Федоровичем Фуфаевым.

«Гриф» возвращается из первого рейса по Цимлянскому морю. Еще несколько дней назад покинул он причалы в Калаче и взял курс на станицу Цимлянскую. Девять дней провели лоцмейстеры в большом плавании.

Разложив на коленях лоцманскую карту, Иван Федорович Фуфаев рассказывает:

— Не один год приходится мне плавать по Дону, но сейчас не узнаю его — все здесь стало иным, все не похоже на старое. Станицы взобрались на высокие берега, покинув старые, ныне затопленные места. Вода покрыла широкую пойму, на которой еще осенью шумели леса и рощи. Вслед за так называемой взломной водой, разрушившей ледяной покров, идет «теплая вода», пополняющая чашу Цимлянского моря. До станицы Суворовской сейчас чувствуется бурное течение Дона, свойственное всем рекам во время половодья. Но за Суворовской, где река переходит в море, течение постепенно исчезает. Зато в полную силу дует здесь ветер. Смотришь на пенистые волны и видишь, как гонит ветер в самых разных направлениях то хворост, то кучу сухой травы, то отдельные стволы деревьев.

Вначале нам помогали естественные ориентиры,— продолжает свой рассказ Иван Федорович.— Мы видели береговые холмы, гривы ивняка, но чем дальше уходили в море, тем меньше становилось таких ориентиров, а затем они совсем исчезли.

На лоцманской карте, которую показывает нам Фуфаев, видны петляющие извивы старого Дона, обозначенные едва заметным пунктиром. Их пересекает новая судоходная трасса, геометрически точно проложенная изыскателями. Исполненная на схеме, она напоминает железнодорожную магистраль. По этой трассе и совершил свой рейс в Цимлянскую теплоход «Гриф».

Опытный лоцмейстер обращает наше внимание на множество условных обозначений, которыми испещрена схема. Треугольники, кружочки, силуэты маяков очерчивают обстановку судового хода.

— Еще прошлой осенью,— говорит Фуфаев,— мы, будущие цимлянские моряки, проходили практику на Рыбинском водохранилище. Опыт десятилетней эксплуатации этого крупнейшего водохранилища помогает нам освоиться с новой, совершенно необычной обстановкой. Однако условия плавания на Цимлянском море будут во многом отличны от Рыбинского.

И. Фуфаев читает вслух выдержки из лоции:

— «Плавание судов по Цимлянскому водохранилищу во все периоды навигации будет происходить в условиях часто наблюдающегося волнения. Ветровой режим этого района в навигационный период характерен преобладанием северо-восточных и восточных ветров, значительных по силе».

Пришли мы к Цимлянской плотине вечером,— рассказывает Иван Федорович,— стояла тогда сравнительно тихая для этих мест погода, а вечером поднялся восточный ветер, и сразу забили двухметровые волны. Пришлось уйти в залив и там отстаиваться.

Кстати, — замечает И. Фуфаев, — для судов, которые скоро пойдут по Цимлянскому морю, подготовлено восемь бухт-убежищ. Это глубоко вдающиеся в берега заливы, надежно защищенные от всех ветров. Получая по радио предупреждения о надвигающемся шторме, капитаны смогут заблаговременно уводить суда и караваны в безопасные гавани: Ильмень-Суворовскую, Красноярскую, Жуковскую и другие.

Цимлянское море будет одним из самых неспокойных и бурных, но плавание по нему на современных, новейшей постройки судах вполне безопасно. В распоряжении капитанов и штурманов радиосвязь и навигационные приборы. В ориентировке на море окажут им большую помощь плавучие и береговые знаки — створы, плавучие буи, вехи. Стальные мачты щелевых створов достигнут шестидесяти пяти метров в высоту; их будет видно издалека. Большие плавучие морские буи, снабженные яркими огнями, оградят судовой ход. Около бухт-убежищ устанавливаются ревуны — огромные гидравлические свистки. Чуть появится зыбь, они начнут тихо гудеть, предупреждая идущие корабли о месте, где им нужно сворачивать в гавань. И чем сильнее волнение на море, тем громче будут раздаваться предупредительные сигналы ревунов.

...И вот «Гриф» швартуется у причалов Калача. Пионеров плавания по новому морю встречают товарищи по работе. Путейцы суммируют важные сведения, необходимые для предстоящего открытия первой навигации на Волго-Донском водном пути.

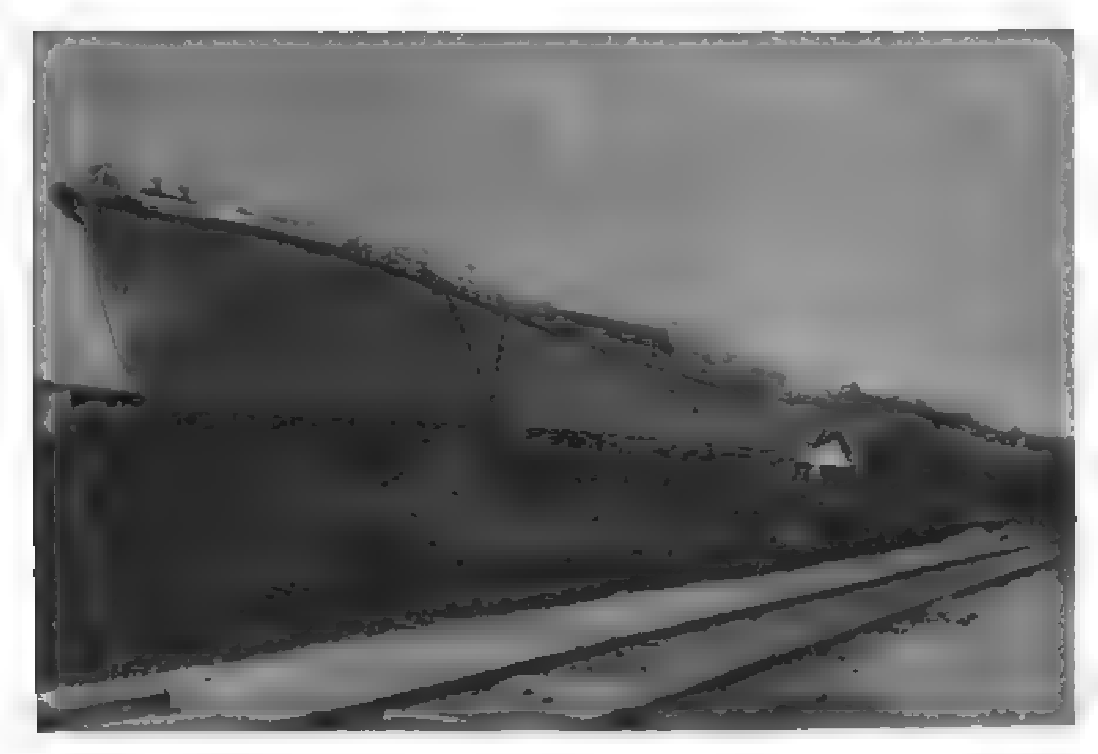
Скоро загорятся огни маяков. По судоходной трассе Цимлянского моря пойдут в Азовское и Черное моря суда и караваны из Москвы и Ленинграда, из Баку и Архангельска.

Е. КАРПАЧЕВ,
С. МОРОЗОВ

И. Фуфаев (справа) и капитан «Грифа» С. Цыганков на борту судна.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

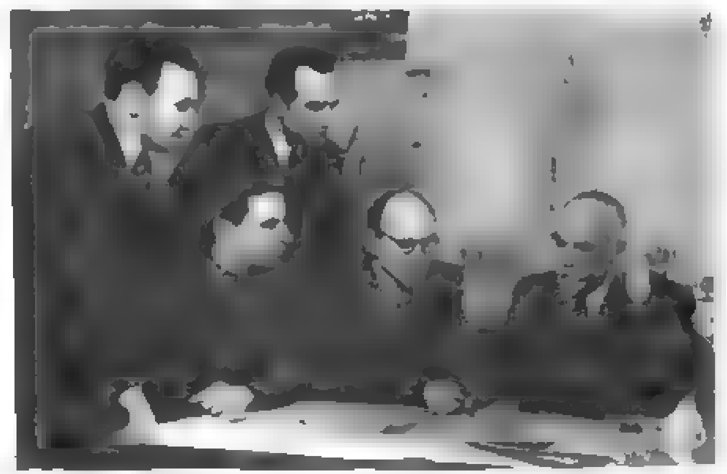
В Калач прибыли железнодорожные маршруты с кораблями для Цимлянского моря.

Новостройки Риги

Закончено составление генерального плана реконструкции Риги. В столице Латвии будут созданы новые площади — Республиканская, Городская, Привокзальная, — расширяются и выпрямляются улицы.

В Московском районе города будет воздвигнуто высотное здание Дома колхозника с аудиториями, гостиницей, выставочным залом. Проект этого дома разрабатывают архитекторы О. Тильманис, К. Плуксне и В. Шнитников. Дом культуры для рабочих завода ВЭФ, новые жилые дома, гранитная набережная на реке Даугаве, детская железная дорога — таковы городские новостройки ближайшего времени.

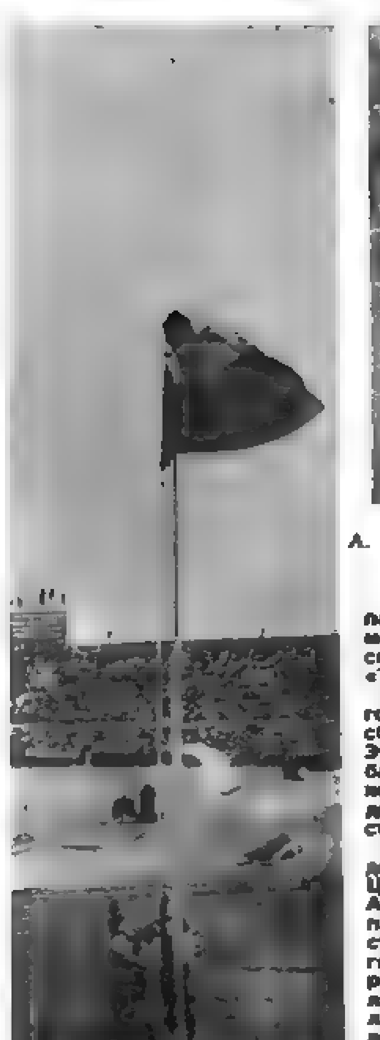
Архитектор Э. КИШЭ

Группа архитекторов обсуждает проект республиканского Дома колхозника. Справа налево (сидят): доктор архитектурных наук В. Олтаржевский, автор проекта О. Тильманис и архитектор В. Апситис; стоят: соавторы проекта К. Плуксне и В. Шнитников.

Фото Г. Санько

Флаг поднят...

А. Башашкин (сборная Москвы) в борьбе за мяч с М. Мухортовым (ЦДСА).

В Москве флаг футбольного сезона поднят. Все было, как обычно: торжественно прошелестели шелковые знамена, стройными [redacted] прошли мимо трибун спортсмены, над стадионом разнеслось трехкратное «физкульт-ура».

И когда кончился парад, наступила, на наш взгляд, самая [redacted]ная минута: судья Николай Гаврилович Латышев спокойным, деловым шагом прошел к центру площадки, положил на белый круг новенький мяч и свистком вызвал на поле команды.

Так начался сезон в Мо-[redacted]

В отличие от прошлых лет нынешнюю футбольную вес-[redacted] открывают восемь первоклассных команд, отличившихся в апрельских играх на юге. Некоторые из популярных коллективов не попали в эту финальную восьмерку. Не видим мы тбилисских динамовцев, «Шахтера», «Торпедо».

Зато москвичи после многолетнего перерыва увидели сборную команду столицы. Это ее игроки в красных рубашках и белых трусах выбежали на поле. Зрители угадывали знакомых футболистов и аплодировали им.

На сей раз сборной команде противостоял коллектив Центрального дома Советской Армии (ЦДСА). Но он выступал не в обычном своем составе. В его рядах было много молодежи. Хотя она и не робела перед своими учителями, а временами показывала неплохие образцы коллективных усилий, все же писать об этом состязании, как о встрече равных, трудно. Техническое превосходство игроков сборной команды было очевидно. И только несыгранность нападения да некоторые тактические погрешности не позволили им выиграть с крупным счетом. В каждой половине состязания нападающие сборной вбили по мячу и на том успокоились.

Особо хочется отметить безупречную игру защитников Ю. Нырковa, А. Башашкина и К. Крижевского. Они отлично выбирали место, были бдительны, быстры, умело обращались с мячом и своим четким взаимодействием создали такую «оборонительную линию», которую трудно было пройти. Их игра — это единственное, что порадовало любителей футбола, которые так и не нашли «изюминки» в первом майском состязании.

Несколько другое впечатление оставила встреча «Спартака» со сборной командой Москвы. Она прошла в более быстром темпе и носила характер непрерывной борьбы, что придало ей большой спортивный интерес.

Московские спартаковцы имеют свой рисунок игры, имеют, так сказать, свой футбольный почерк. В основе его короткая, быстрая передача мяча и хорошо согласованные действия игроков.

Именно такой футбол показали наши спартаковцы в минувшее воскресенье. Сборной команде пришлось много потрудиться, чтобы сдержать коллективные атаки «Спартака». В них включались не только полузащитники (они делали это часто и умело), но и игроки обороны. Вновь защитникам сборной [redacted] бенно Н. Дэлипа пришлось выдержать на своих плечах всю тяжесть этого натиска. О силе натиска красноречиво говорят двенадцать угловых ударов «Спартака».

И все же оборона была надежной.

Нападающие же сборной «пели каждый по своим нотам», играли вразброд и, естественно, не могли создать ни одной мало-мальски эффективной комбинации. Поэтому ворота «противника» не были недоступны. Мяч, вбитый спартаковцем В. Емышевым, был единственным за всю игру. Он определил исход состязания и принес «Спартаку» победу, а с ней и первых два очка.

Счет очков открыт!

Сейчас включились в финальные состязания все коллективы. Победителем этих весенних игр будет считаться тот, кто наберет наибол-[redacted]

[redacted]

Мяч в сетке. Счет 1 : 0 в пользу «Спартака».

Фото А. Бочинина и О. Кнорринга

Случай из практики

Несчастье с Фаттахом Камалетдиновым, ташкентским рабочим-строителем, случилось восемь месяцев назад: он проглотил отломившийся кусок зубного протеза с металлическим крючком.

В ташкентской больнице врачи попытались извлечь протез с помощью специального прибора — эзофагоскопа, через трубку которого, введенную в пищевод, врач видит застрявшее [redacted] тело и щипчиками-цапкой может вынуть его. Но у Камалетдинова протез застрял в самом опасном месте: металлический крючок вцепился в стенку пищевода, и вытащить его было невозможно, не затронув тканей [redacted]

Шесть раз врачи проводили эзофагоскопию, и шесть раз усилия их оказывались безрезультатными.

Врачи больницы, где лежал Фаттах, решили направить его в Москву, на консультацию к лучшим хирургам советской столицы.

Так Камалетдинов попал в Институт имени Склифосовского.

Известный хирург лауреат Сталинской премии Павел Иосифович Андросов произвел Фаттаху эзофагоскопию, и в седьмой раз она оказалась безуспешной.

Оставалось лишь одно: сделать операцию — вскрыть грудную клетку, плевру, добраться до пищевода и извлечь инородное тело. Но в том состоянии, в каком находился больной, сложная операция могла бы окончиться неблагополучно.

Как помочь больному Камалетдинову? Такой вопрос был поставлен на конференции хирургов института. Павел Иосифович Андросов высказал свое мнение: обратиться в Институт экспериментальной хирургической аппаратуры с просьбой усовершенствовать эзофагоскоп так, чтобы аппарат раздвигал стенки пищевода. Тогда можно будет, не прибегая к операции, извлечь у больного протез...

Просьба необычная и неожиданная! Изменить конструкцию аппарата — дело нешуточное. Сколько времени уйдет на создание нового прибора, на его освоение!

Институт экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментария Министерства здравоохранения СССР — одно из самых молодых научных учреждений: он существует всего полгода. Серьезные проблемы стоят сейчас перед новым институтом. Многие из них вчера еще могли бы показаться фантастическими. Директор этого института Василий Федорович Гудов — изобретатель аппарата для сшивания кровеносных сосудов. Именно Андросов первым применил эти аппараты, доказав на практике преимущество механического способа сши-[redacted]

В институте сразу же откликнулись на предложение хирурга. Через трое суток после звонка Андросова новая конструкция эзофагоскопа с раздвижной трубкой, расширяющей стенки пищевода, была разработана, и прибор изготовлен на экспериментальном заводе института.

Хирург Андросов новым, специально созданным для ташкентского рабочего эзофагоскопом извлек из пищевода Фаттаха Камалетдинова обломок зубного протеза.

Жизнь Фаттаха спасена. Он лежит сейчас в Институте имени Склифосовского и чувствует себя хорошо: за несколько дней Камалетдинов значительно прибавил в весе.

М. ЯНОВСКАЯ

В ОРКЕСТРЕ ПРОФЕССОРА И СТУДЕНТЫ

Г. Белоглазов знакомит оркестрантов с новой партитурой.

Фото Ю. Доброправова

Воскресенье. Аудитория Уральского [redacted] института имени С. М. Кирова выглядит необычно. Около кафедры расположились участники симфонического оркестра, недавно [redacted].

Рядом с седовласым профессором здесь можно видеть юную студентку. Заведующий кафедрой теплосиловых установок доцент Д. С. Жевахов играет на виолончели, доцент В. Н. Заяц на альте, профессор П. З. Петухов на гобое. Студентка 3-го курса инженерно-экономического факультета Т. Пирожкова играет на скрипке, а второкурсник Ю. Напарин на контрабасе.

В симфоническом оркестре института насчитывается тридцать пять участников. Каждое воскресенье, кроме каникул, они собираются на репетиции. Пятнадцать лет бессменно ими руководит уральский композитор Г. Н. Белоглазов.

Оркестр выступает на концертах и вечерах в институте, участвует в смотрах художественной самодеятельности. В репертуаре — произведения Глинки, Чайковского, советских композиторов. Сейчас разучивается сюита из балета «Медный всадник» Глиэра, Первая симфония Калинникова, произведения свердловского композитора Н. Р. Бакалейникова. Участники оркестра вместе с дирижером занимаются и композицией. Ими написана «Кавказская песня».

И. РОЗИНА

ОГОНЬКА

ЗА РУБЕЖОМ

Выполняя приказ американского после Пэрифуа, греческие монархо-фашисты в ночь на 30 марта этого года казнили выдающегося героя греческого народа и всемирной армии мира Никоса Белоянниса. Этим варварским убийством палачи надеялись запугать греческий народ, расколоть единство демократических сил, борющихся против американской оккупации Греции. Они просчитались. «...Кровь Белоянниса,— говорилось в заявлении политбюро греческой компартии,— может и должна стать еще одним мощным связующим звеном объединения патриотических сил».

На стороне патриотических сил Греции — сочувствие и поддержка честных людей всего мира. Трудящиеся ответили на подлое убийство Белоянниса мощными демонстрациями солидарности. Греческие посольства и миссии в столицах западноевропейских государств засыпаны телеграммами протеста. Память героя чтит всё прогрессивное человечество. Имя Белоянниса вдохновляет на борьбу за мир новые сотни и тысячи самоотверженных борцов.

На фото вверху: трудящиеся Вены вышли на демонстрацию, чтобы заклеймить позором убийц Белоянниса.

Слева: митинг в столице Чехословакии Праге, посвященный переименованию одной из улиц города в улицу имени Никоса Белоянниса.

В Западном Берлине. Требуя повышения заработной платы, которая непрерывно обесценивается из-за неудержимого роста цен, рабочие-строители вывесили плакаты, призывающие к забастовке.

В Будапеште открыта выставка достижений народного хозяйства Китайской Народной Республики. Наряду с продукцией китайской промышленности и сельского хозяйства здесь широко показаны достижения искусства китайского народа.

Снижение жизненного уровня трудящихся в США вызывает усиливающееся сопротивление рабочего класса. На фото: демонстрация транспортных рабочих Нью-Йорка, протестующих против снижения заработной платы. Хорошо зная цену американским «свободам», участники демонстрации надели маски, чтобы шпионы транспортных компаний не могли узнать их в лицо. Они оделись в арестантские халаты, подчеркивая этим свое бесправное положение.

Интервью «Огонька»

Директорский фонд

И. Г. БАХВАЛОВ,
директор 2-го государственного подшипникового завода

Прошлой осенью в Москве побывала делегация американской молодежи. Гости расспрашивали о работе, учебе, отдыхе москвичей — обо всем том, что простому американцу представляется чудесной сказкой.

Однажды на встрече с работниками автомобильной и тракторной промышленности зашла речь о знатном стахановце, прочитавшем лекцию для студентов машиностроительного института. Гости выразили желание побеседовать с ним. Оказалось, что стахановец накануне уехал в крымский санаторий по путевке, оплаченной из директорского фонда.

Сначала американцы не поняли: в чем тут дело, что это за фонд? Делегаты были буквально потрясены, когда им рассказали, что директорским фондом в СССР пользуются миллионы людей.

Как же создается и расходуется директорский фонд на советских предприятиях?

Нет, пожалуй, в нашем коллективе рабочего, который в той или иной форме не пользовался бы директорским фондом.

Он образуется на предприятии, выполняющем и перевыполняющем программу по всем без исключения показателям. Если накопления за истекший год соответствуют запланированной сумме, от нее отчисляются в директорский фонд два процента. В тех случаях, когда накопления превышают сумму, намеченную планом, в директорский фонд пропорционально отчисляется больший процент.

Самоотверженный стахановский труд, новаторские приемы работы — все, что способствует общему успеху предприятия, ведет тем самым и к росту директорского фонда. Усилиями всего коллектива наш завод завоевал почетное звание стахановского. Естественно, что у директора стахановского завода имеется и значительный директорский фонд. В минувшем году мы израсходовали из него более миллиона рублей.

На что пошли эти деньги?

Как и на любом советском заводе, директорский фонд 2-го ГПЗ помогает повседневно улучшать условия жизни трудящихся.

Вот на что расходуется директорский фонд 2-го государственного подшипникового завода: вверху — детский сад, внизу — клуб.

Фото В. Евграфова

Выплаты из него являются дополнительным видом доходов советских тружеников.

В сосновом лесу, неподалеку от станции Востряково, расположен наш дом отдыха. Ежегодно в нем отдыхают сотни человек. Путевка в дом отдыха стоит 400 рублей. Но рабочий вносит за нее только 180; остальные доплачиваются из фонда.

Заводской пионерский лагерь находится в живописной подмосковной местности. Тут в минувшем году отдыхали 500 школьников. Для организации этого лагеря были ассигнованы средства из фонда директора.

Есть у нас свои детские сады и ясли. С похвалой отзываются о них рабочие и работницы. Прошлым летом каждый ребенок прибавил в весе в среднем 1,6 килограмма. И в детские учреждения вложены деньги из фонда директора: за год на них израсходовано 100 тысяч рублей.

На нашем заводе открылся хорошо оборудованный клуб. Средства на строительство также были взяты из этого фонда.

За лаконичными графами отчета об использовании фонда видишь людей, чьи личные интересы неразрывно связаны с государственными.

Недавно наладчик А. Наумов модернизировал четырехшпиндельный автомат. Результаты не замедлили сказаться: меньше стало уходить металла, повысилась производительность труда. Наладчик М. Сотсков, усовершенствовав станки, сэкономил заводу не одну тысячу рублей. И Наумов и Сотсков — каждый из них внес свой вклад в улучшение работы завода и получил премию из директорского фонда.

Заведующий химической лабораторией инженер А. Петров поставил своей задачей ликвидировать коррозию. Составленный им новый тип раствора, которым промываются детали подшипников, позволил добиться значительного повышения качества продукции. А. Петров премирован. За счет директорского фонда его послали в санаторий.

Директорский фонд используется не только для улучшения быта. Немалые суммы расходуются на подготовку кадров, в частности, на учебный комбинат, построенный и оборудованный за счет фонда директора. Здесь просторные, светлые аудитории, кабинет техники безопасности, две библиотеки. В аудиториях всегда можно застать и молодых, только что пришедших на производство рабочих, и старых, известных всему нашему коллективу стахановцев, инженеров, начальников цехов и отделов.

Весь завод учится. Созданы благоприятные условия для того, чтобы рабочие могли получать без отрыва от производства среднее и высшее образование. У нас несколько десятков студентов: одни посещают вечерний техникум, другие — вечерний машиностроительный институт. На заводе восемь аспирантов, готовящихся к защите кандидатских диссертаций. Темы, избранные ими, подсказаны нашей заводской практикой. Всем — и студентам и аспирантам — оказывается помощь из того же директорского фонда.

Я рассказал о «расходных статьях» фонда директора нашего предприятия. Его не сравнишь с фондом, скажем, «Серпа и молота», где только на строительство стадиона и приобретение спортивного инвентаря и на лечебное питание рабочих израсходованы сотни тысяч рублей. По размерам 2-й ГПЗ можно причислить к категории средних заводов. Таких в Советской стране очень много. Тем показательнее приведенные мною цифры и факты. В них ярко отражена великая сталинская забота Советского государства о трудящихся.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ ИЗ ПЕНТАГОНА

Василий КОРНИЛОВ

НЕВИДИМЫЕ «СОЛДАТЫ ТРУМЭНА»

Мы приникаем к микроскопу и отчетливо видим на стекле бактерии. Они так безобидны на вид: крохотные палочки, с чуть закругленными концами.

— Чудовищно, — вздыхает рядом с нами пожилой человек, член делегации Международной ассоциации юристов.

Он отходит от микроскопа, в котором видел увеличенные во много раз бактерии чумы, только что, на глазах у нас, извлеченные из телец насекомых, сброшенных на Пхеньян американскими самолетами.

В небольшом кабинете министра здравоохранения Ли Бен Нам в эти дни собран целый своеобразный музей. Стоят микроскопы, в которые можно видеть и палочки чумы, и изогнутые вибрионы холеры, и возбудителей черной оспы. Рядом с микроскопами стеклянные банки с притертыми крышками. В них мухи, комары, блохи — живые разносчики страшных эпидемий, для которых в Пентагоне изобретены разнообразные бомбы и приборы, сделанные с адским расчетом на то, чтобы ни одно зараженное насекомое не погибло. Тут же в углу мы видим половинку бомбы с четырьмя отсеками, предназначенными для разных насекомых.

Такие бомбы обнаружены в разных районах Пхеньяна в марте. Из бомб расползались на холодную, мерзлую землю мухи с непомерно толстым туловищем и комары с необычно тонкими длинными крыльями. Первая такая бомба упала близ пивоваренного завода, на развалины разрушенного здания. Собравшиеся жители с негодованием смотрели, как летают в еще морозном воздухе незнакомого вида насекомые, между тем как насекомые вообще появляются в Корее лишь в конце апреля.

С тех пор специальный штаб по борьбе с эпидемией, сразу же созданный в Пхеньяне, почти ежедневно стал получать сведения о чудовищных «посылках», сбрасываемых американскими бактериологическими налетчиками в разных частях страны. Это были пакетики с едой, сброшенные близ Аньчжу и подобранные детьми: пакетики были заражены возбудителями брюшного тифа; это были детские игрушки, начиненные чумными блохами; консервные банки со стеклянным дном, наполненным мухами — носителями холеры. Такие сообщения приходили и из Вэньсаня, и из Синьыйчжу, и из Часона, и из других городов и сел. Американские самолеты всех марок: «Шутинги», «Ночники Б-26», «Летающие крепости», даже истребители «Сейбры» — сеяли днем и ночью на землю Северной Кореи мириады «солдат Трумэна», отвратительных бактерий. Американские интервенты полагали, что им удастся этим преступным способом победить корейский народ, с которым вот уже почти два года не в силах справиться вооруженные до зубов дивизии США и их сателлитов.

УБИЙЦЫ ПРОСЧИТАЛИСЬ!

Одна из самых страшных эпидемических болезней — это чума, черная смерть, как зовут ее на Востоке. Впрочем, так она называется и в специальных медицинских справочниках. Особенно опасна легочная чума, микробы которой распространяются на расстоянии нескольких метров от очага заражения. В течение одного дня эпидемия может охватить целый район и превратить его в кладбище. На это и рассчитывали американские убийцы. Но они просчитались! Героический народ Кореи выстоял и против этого бедствия. Вспышки эпидемии сразу же заглушались самоотверженными усилиями медицинских коллективов и добровольческих дружин.

Одновременно с применением бактериологического оружия американские агрессоры продолжают использовать в войне против корейского народа и ядовитые газы. На снимке: после излечения гноящихся язв, образовавшихся от поражения газом, на теле жертвы остался глубокий шрам — напоминание о гнусном преступлении американских отравителей.

Можно смело сказать, что сейчас в Корее нет ни одного человека, которому не были бы сделаны своевременные противоэпидемические прививки. В каждом селе, в каждой маленькой деревушке, в каждом рыбачьем поселке, не говоря уже о городах, действуют противоэпидемические отряды. Бомбы и банки, содержащие смертоносных насекомых, немедленно обезвреживаются, зараженные места выжигаются, насекомые вылавливаются.

Приведем в пример хотя бы отряд деревушки Па Чун в уезде Кавон провинции Южный Хамген. Он насчитывает около тридцати молодых юношей и девушек. Разбившись на звенья, они день и ночь подстерегают появление бактериологических бомб. Им удалось обезвредить свыше десяти гнусных американских «подарков». Одетые в специальные костюмы, молодые патриоты уничтожают носителей чумы, зараженных грызунов. В этом районе, как и во многих других, вспышка эпидемии была предупреждена.

Бактериологическое оружие, на которое рассчитывали американские империалисты в Корее, не достигло своей цели. На первом этапе борьбы эпидемии побеждены героическими усилиями народа. Но преступлений, совершенных военщиной Риджуэя по указке американских правителей, человечество никогда не забудет, никогда не простит. Вся Корея повторяет сейчас слова молодого рабочего, произнесенные на одном из митингов в г. Пхеньяне:

— Весь мир суда над палачами ждет,
Все ждут его, и старики и дети.
И не один свидетелем пойдет,
А весь народ предстанет как свидетель.

Так выражает общее мнение всех честных людей мира корейский народ, требующий положить конец злодеяниям американских агрессоров.

Пхеньян, апрель 1952 года.

Группа добровольцев из противоэпидемического отряда изучает обнаруженных на снегу насекомых — носителей заразы.

Путевые заметки

Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР

Фото Г. Шонгловской и И. Сокольникова

Бомбей, Калькутта, Дели — это громадные капиталистические города с обычными для них контрастами нищеты и богатства, в которых черты национального колорита труднее увидеть, чем в любой индийской деревне.

— Индия начинается за пределами наших городов,— говорят сами индийцы.

Настоящую Индию мы впервые увидели на юге страны.

ПО ДОРОГАМ ЮГА

Это была та Индия, которую, к сожалению, мы еще очень мало знаем. С тем большим интересом мы присматривались к тому, что было на нашем пути. Просто не хватало глаз, чтобы видеть, ушей, чтобы слышать, сердца, чтобы пережить, и памяти, чтобы запомнить и привести в порядок виденное. Дивная растительность, большая, пышная, яркая, сильная. Люди здесь другие — с более темной кожей, а иногда мы видели и черных, как уголь; другая одежда у них, иные жилища. Я упомянул об одежде, но это — последнее, что можно заметить: ее так немного на людях.

Юг вообще принимает делегацию теплее. Как нас встречали, как радовались нашему приезду в Тривандруме, где окончилось наше воздушное путешествие!

В аэропорте собралось много народу. У встречающих нас людей в руках цветы. Над полем большой портрет товарища Сталина, и повсюду красные флажки. Мы вышли из самолета и тотчас оказались окруженными толпой. Нас обступили тесным кольцом, и отовсюду слышалось: «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует дружба между Индией и Советским Союзом!».

Взволнованные, радостные лица. Видно, что приветственные возгласы — искренние, горячее движение души. Повсюду цветы. Нас буквально завалили букетами. Группа рабочих принесла с собой красную пряжу.

— Это наш подарок,— сказали [redacted]

Опять с воодушевлением произносили великое и прекрасное имя: «Сталин!», «Сталин!». Долго бежали за нашей машиной встречавшие нас и долго махали нам вслед руками.

Эта встреча напомнила мне о советском павильоне на выставке в Бомбее. Туда приезжали люди со всех концов Индии, и там каждый день можно было видеть десятки и сотни таких горячих дружеских встреч. Люди смотрели на советские машины, ткани, зерно и говорили, что у каждого есть много разных желаний, но одно желание есть у всех,— чтобы Индия и Советский Союз дружили, чтобы они оживленно торговали, обмениваясь продуктами своего труда.

Мы снова в дороге. Солнце зашло, быстро наступили сумерки. Зажглись костры около хижин и светильники внутри домов. Вся долгая дорога—150 километров— это сплошная деревня.

Как выглядит индийская деревня? Маленькие домики, слепленные из красной глины. Заборы тоже из глины. И земля здесь красная и пыль красная и тяжелая; она густо облепляет придорожные деревни. Вот стоят пальмы и бананы, красные от пыли, а вид у них деловой и обычный.

Люди по дорогам передвигаются главным образом пешком. Высокие, стройные люди с чудесными фигурами, с прекрасными лицами. У каждого из них на голове груз — он или в корзине или просто лежит на маленькой подушечке. Люди идут и идут. Им нет ни конца, ни края.

МЫ ЕДЕМ В ДЖУНГЛИ

Рано утром нас подняли, чтобы ехать в джунгли. Рассветает очень быстро: в течение 20—30 минут. На лужайке около дома мы смотрели в ту сторону, куда нам надлежит уехать. Долины и горы затянуты синеватым туманом. И такая очаровательная прохлада в эти минуты, что хочется задержать восход солнца и оттянуть наступление жары. Едем через деревушки и городки, а джунглей все нет.

Остановились в одной деревне и вошли в хижину. Нас встретили ласково и гостеприимно. Хозяева — очень обаятельные люди; особенно хороши у них глаза — необыкновенной красоты и выразительности. Хижины чаще всего покрыты листьями пальм или иногда, очень редко, черепицей. Весь дом состоит из веранды, на которой готовится пища, и двух проходных комнаток без окон. Мы заглянули в первую. На полу кто-то спит, прямо на камне. Когда мы спросили у сопровождающего нас индийца, неужели у крестьян нет возможности купить хотя бы циновку, он сказал:

— Гораздо удобнее спать на камне, удобнее и полезнее.

Он помолчал и добавил:

— Климат здесь такой, что постель раздражает спящих.

Однако ни разу за все время своего путешествия он сам не воспользовался каменной постелью. Всякий раз его комната была комфортабельно обставлена, и на кровати его можно было увидеть простыни и подушки.

Утвари в хижине крестьянина нет почти никакой. Мы увидели маленький таганок, горшок, несколько ложек, нож. Повязки вокруг бедер и эта утварь — вот и все имущество крестьянской семьи. Крошечный земельный участок около дома занят банановыми деревьями и кокосовыми пальмами, которые крестьяне арендуют у помещика. Арендуют они и дом, а живут тем, что удается заработать на плантациях.

Наш путь — в заповедник Перар-Лейк. Это большой участок земли, в несколько десятков квадратных километров, с непроходимыми джунглями, населенными разнообразной фауной Индии. У входа в заповедник большое искусственное озеро. Лет шестьдесят тому назад поперек течения маленькой речки возвели дамбу, и постепенно образовалось это озеро. Во многих местах из воды торчат черные, сухие стволы погибших деревьев. Здесь, видимо, много рыбы. Она то и дело плещется. На деревьях сидят странные змеиные птицы с длинными, тонкими шеями. Они старательно занимаются рыбной ловлей. Непроходимые для человека джунгли подходят прямо к берегу озера. Здесь живет большое стадо слонов, не то в 5, не то в 3 тысячи голов. Водятся здесь и буйволы, и кабаны, и громадные питоны, и кобры, и, конечно, самый страшный из зверей Индии — тигр.

Едем искать водопой слонов. Едем долго и наконец замечаем две громадные серые туши.

— Слоны! — шепотом говорит один из наших товарищей, хватаясь за фотоаппарат.

Мать с детенышем медленно, все время оглядываясь, идет в гору по высоченной траве. Слониха подталкивает слоненка вперед хоботом, головой прикрывая его отступление. Время от времени она поворачивает громадную голову в нашу сторону и шевелит ушами. Маленький слоненок, величиною с небольшую лошадь, протрубив что-то, получил легкую оплеуху от матери, и они потихоньку скрылись. Мы их действительно увидели на свободе. Нам хотелось бы задержать слонов, но они, обернувшись еще раза два, удалились.

Под вечер направились в обратный путь. Быстро стемнело, и пришлось всю дорогу ехать с зажженными фарами. На одном из перевалов остановились. Потушив фары, мы стояли несколько минут в темноте. Небо громадное и близкое. Луна стоит прямо над головой. Звезды большие и яркие, но они так переместились, что с трудом узнаешь кое-какие из знакомых. Громко трещат цикады, так, что слышно за несколько километров; тени от деревьев и от людей резкие, черные. Вообще ночные животные, птицы да и насекомые гораздо разговорчивее здесь, чем дневные. Все вокруг кричит, пищит, щелкает, свистит на разные лады, особенно

Эти люди шесть часов ждали появления машин с советскими делегатами.

Продолжение. Начало см. в № 18.

под утро. Но только начинает светать на востоке, и звуки эти сменяются другими, уже дневными, менее таинственными.

СПЕКТАКЛЬ ИДЕТ БЕЗ АНТРАКТОВ

На юге, в Мадрасе, нам удалось побывать в театре Рашка Ранджана Сабха.

Вообще драматических театров в стране очень мало, и влачат они довольно жалкое существование. Театральные деятели Индии жалуются, что бурно развивающаяся кинопромышленность вытесняет драматические театры. Например, недавно в Бенгалии должен был прекратить свою деятельность один из них, а их и всего-то было четыре.

Но здесь, в Мадрасе, театр пользуется популярностью и, по-видимому, процветает.

Так обмолачивают рис в Индии.

Мы пришли к самому началу представления. Зрительный зал был уже полон. Устроен этот зал довольно просто — навес над несколькими рядами деревянных скамеек, поставленных прямо на землю. Навес этот поднят довольно высоко, и это очень удобно населению соседних домов: мы увидели, что окна там были раскрыты и около них сидели довольные зрители, наслаждаясь бесплатным зрелищем и реагируя на него с еще большим темпераментом, чем те, что сидели в зале.

Сцена в театре очень небольшая, примитивно обставленная и освещенная. Декорации в большинстве случаев состоят только лишь из одного рисованного задника, который легко заменяется другим, и, таким образом, театр не смущается большим количеством перемен. Спектакль, который мы видели, состоял из нескольких десятков картин.

Шла пьеса драматурга Калки под названием «Калванин Катхалия».

Вот ее содержание. Живут на свете брат и сестра, очень привязанные друг к другу. Брат дал обещание не жениться до тех пор, покуда не устроит судьбу своей сестры. А в то же время он влюблен и пользуется взаимностью.

К сестре, работающей у богатого старика, стал приставать ее хозяин. Брат увидел это и избил старика. Тогда полиция сажает брата в тюрьму. Разбойник, тоже заключенный в тюрьму, бежит из нее и берет с собою нашего героя. Пока беглецы скитались по лесам, его невеста вышла замуж за другого, а сестра стала актрисой в бродячей труппе. Брат, узнав об этом, тоже поступает в эту труппу. Он тоскует по своей бывшей возлюбленной и наконец назначает ей свидание. Но первым на свидание является антрепренер, переодетый женщиной, чтобы предупредить героя о том, что за ним следят. Возлюбленная застает их вместе и, думая, что герой ей изменяет, выдает его полиции. Во время вооруженной схватки герой погибает, а женщина, узнав всю правду, оплакивает гибель любимого.

Конечно, сюжет этой пьесы условен, но все же в ней выведены вполне реальные люди — полицейские, актеры, воришка, богатый развратник,— и это нравится зрителям, очевидно, очень тянущимся к реалистическому искусству. Они прощали недостатки пьесы и оформления и условную манеру постановки потому, что видели на сцене живых, знакомых им людей.

Для нас многое в этом спектакле было новым и непривычным. В наших театрах актеры играют, как бы не зная о том, что в зале сидит публика, они стараются как можно правдивее жить жизнью своих персонажей, и наши зрители как бы случайно заглядывают в эту жизнь. В этом же спектакле актеры все делают откровенно для публики. Посреди сцены стоит микрофон, и актеры через него обращаются прямо в зрительный зал, а не к своему партнеру.

— Слушайте,— говорит кто-нибудь из них,— вот я сейчас обману своего тюремщика,— и затем он произносит реплику в его сторону.

И так всякий раз общение действующих лиц между собою происходит через зрительный зал. Но кроме этого весь спектакль комментируется еще специальным радиодиктором. Очень большое впечатление на нас произвели два световых транспаранта, висящих перед сценой. Время от времени они зажигаются, и тогда становится видным обращение к публике: «Тише! Пожалуйста, тише!» Это значит, что сейчас на сцене произойдет что-то важное. Впрочем, это обращение совсем не лишнее, так как публика в зале сидит очень темпераментная. Редко доводилось нам видеть такое непосредственное восприятие действия и такую горячую реакцию. Пожилые, почтенные люди, так же как и молодежь, то громко и заразительно хохотали, то плакали, обливаясь горькими слезами над несчастьями героев. С одного конца зала в другой перекликались знакомые, обсуждая происходящее на сцене.

— Ты видишь, что делается? — кричал какой-то старик другому и изо всех сил ударял себя по ко-[redacted].

Спектакль шел четыре часа, без антрактов, но никто из зрителей не ушел, и мы тоже, заразившись энтузиазмом публики, не тронулись с места, хотя это было и непривычно для нас.

ВСТРЕЧА В МАДУРЕ

Утром на машинах, которые нам предоставил артист Кришнан, мы направились вместе с ним и его секретарем в Мадуре. Вначале ехали по неширокой долине. Повсюду на полях идет работа: большей частью убирают рис, иногда пашут. Вон пара волов с трудом тащит примитивнейшее орудие. Кое-где убирают снопы, то есть кладут на голову и тащат за несколько километров к себе в деревню. За все наше пребывание в Индии нам не удалось увидеть ни одной сельскохозяйственной машины.

Мы проезжаем мимо плантаций папайи. Плодами папайи питаются, из них же добывают ценные медикаменты. Много плантаций какао, кофе. Обширны плантации каучуконосов. Но все эти плантации принадлежат англичанам. Индийские крестьяне у себя на родине работают на земле, которая принадлежит чужеземцам.

Часто мы видим, как из одной деревни в другую идут школьники с книжками: девочки, мальчики. Очень приятно, что эти процессии попадаются нам все чаще и чаще. Впервые мы видим в деревнях Индии такое количество учащихся. Оказывается, Траванкур-Кочин — один из самых просвещенных и грамотных штатов страны: здесь около 50 процентов грамотных. Довольно много школ: некоторые из них — правительственные, часть принадлежит частным лицам. Но обучение во всех этих школах платное: от 5 до 6 рупий в месяц за каждого ребенка. А средний заработок сельскохозяйственного рабочего или крестьянина — от 30 до 50 рупий в месяц. Поэтому в школу посылают детей только те семьи, где общий заработок достигает 100 рупий в месяц.

У селения Бабанаша нас встретила большая группа рабочих. Они остановили наши машины, пожимали нам руки, прикасались к нам и потом подносили пальцы к губам. Они кричали: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует дружба между народами Индии и России!» Ко мне подошел высокий старик с длинной седой бородой. Он дотронулся до меня, чтобы обратить на себя внимание, и на ломаном английском языке сказал: «Дружба между Индией, Советским Союзом и Китаем — это мир во всем мире!» Мы долго трясли друг другу руки.

Здесь, у селения Бабанаша, мы остановились на несколько минут передохнуть у инспектора электростанций, который был личным другом Кришнана. Оказывается, что и гидроэлектростанция и текстильная фабрика, которая находится в селении, принадлежат английской компании «Харби». Кроме здешней фабрики, компания владеет еще фабрикой в Мадуре и в двух других городах. На этих фабриках изготовляется только пряжа. Ее везут в Англию, а оттуда уже в виде «сари», готовых материалов, она возвращается назад в Индию.

К Мадуре мы подъехали уже вечером, в темноте. Проехать в самый город было не так-то просто. За несколько миль до города нас трижды приглашали выступить на митингах. В Мадуру мы попали с опозданием на несколько часов.

Город выглядел необычно: все улицы, переулки и перекрестки были забиты людьми. Город ждал прибытия советских делегатов. Все жаждали увидеть нас и услышать наши выступления. Но самая большая городская площадь не могла вместить всех желающих, хотя и набились они туда необычайно плотно. Собралось не менее 30 или 40 тысяч человек. Все деревья были обвешаны зрителями, все крыши были усеяны ими.

Для того, чтобы подойти к эстраде, мы потратили не менее тридцати минут. Долго не могли открыть дверей в машинах — так плотно обступили их люди. Наконец с трудом вылезли из машин, и только благодаря тому, что добровольцы, взявшись за руки, организовали коридор, ведущий к эстраде, мы смогли пробраться на сцену. Но она также была переполнена. Митинг был созван культурными организациями города, профсоюзом текстильщиков, Лигой культуры, Ассоциацией прогрессивных писателей.

Когда мы появились на эстраде, как будто гром загрохотал с ясного неба. Нас забрасывали цветами, на каждого из нас надели по нескольку десятков венков. Долго нельзя было начать митинг, так как вся громадная толпа приветственно гудела. И это было единственное средство общения с нами, так как слышать нас едва ли было возможно. Тогда один из организаторов митинга начал выкрикивать в микрофон лозунг: «Да здравствует Советский Союз!» — и вся толпа единодушно и горячо подхватила этот лозунг. Вся многочисленная толпа громко скандировала эти слова несколько минут подряд.

Наконец начал говорить один из устроителей митинга. Потом один за другим стали выступать советские делегаты. Они говорили о том, что привезли привет народу Индии от советского народа.

— Мы счастливы видеть,— говорили советские делегаты,— что желание крепить дружбу Индии и СССР у индийского народа так же велико, как и у советских людей. Так пусть же крепнет наша дружба — залог мира и счастья народов!

ПРОГУЛКА ПО ЗООПАРКУ

Фото Л. Аркадьева

В Московском зоопарке собрана богатая коллекция животных — представителей фауны всего земного шара. Здесь увидишь и огромного слона, и изящную полосатую зебру, и стройного пятнистого оленя, и крупного хищника — льва, и различных птиц. Особенно интересно здесь весной и летом, когда тропические животные выходят из зимних помещений в наружные загоны и вольеры.

Рад первой своей прогулке слон Шанго. Издаваемые им резкие трубные звуки долго звучат в весеннем воздухе. Успокоившись, Шанго по обыкновению проверяет хоботом все затворы и преграды.

В парке организован вольер для молодняка различных животных. Здесь играют медвежата, волчата, лисята, барсучата и другие звери. Они мирно уживаются друг с другом. Так же дружно живут и вместе воспитываются лев Чандр и собака Тобик.

Ни один зверь не доставляет работникам зоопарка столько беспокойства, сколько медведи. Косолапому ничего не стоит разобрать деревянный пол в клетке. Медведей всегда приходится содержать в прочных клетках, обитых железом, или в загонах с каменными стенами.

Летом на новой территории зоопарка в просторных сетчатых вольерах живут крупные попугаи и волнистые попугайчики. Далеко разносится их крик. В одном из вольеров содержится небольшой африканский попугай Жако. Он умеет «говорить» — у него хорошие способности к подражанию. Из вольера попугая слышится человеческий голос, неожиданно прерываемый жалобным мяуканьем. Не разобрав, в чем дело, посетители долго высматривают спрятавшуюся кошку. Приоткрыв клюв, Жако снова имитирует мяуканье. Пернатого «актера» публика награждает аплодисментами.

Весна и лето — пора выведения потомства у большинства диких зверей. У обслуживающего персонала зоопарка прибавляется забот и беспокойства. Ранее безобидные звери, защищая своих детенышей, могут стать опасными.

Бурые медведи зимой родят детенышей в берлогах, вырытых еще с осени в обширных загонах. Маленькие мишки при рождении весят всего около 500 граммов и совсем беспомощны, их до весны мать кормит в берлоге.

Ежегодно зоопарк получает разнообразный и богатый приплод. Подросшие звери и птицы либо остаются в Московском зоопарке, либо переправляются в другие зоопарки и зоосады Советского Союза.

[illegible] слон Шанго поднял хобот [illegible]. Это означает, что он просит сотрудницу зоопарка угостить его.

Филин попал в зоопарк птенцом [illegible]

Для маленьких посетителей зоопарка большое удовольствие — покататься на пони.

На «острове зверей» Бенгальский тигр Бенго на прогулке.

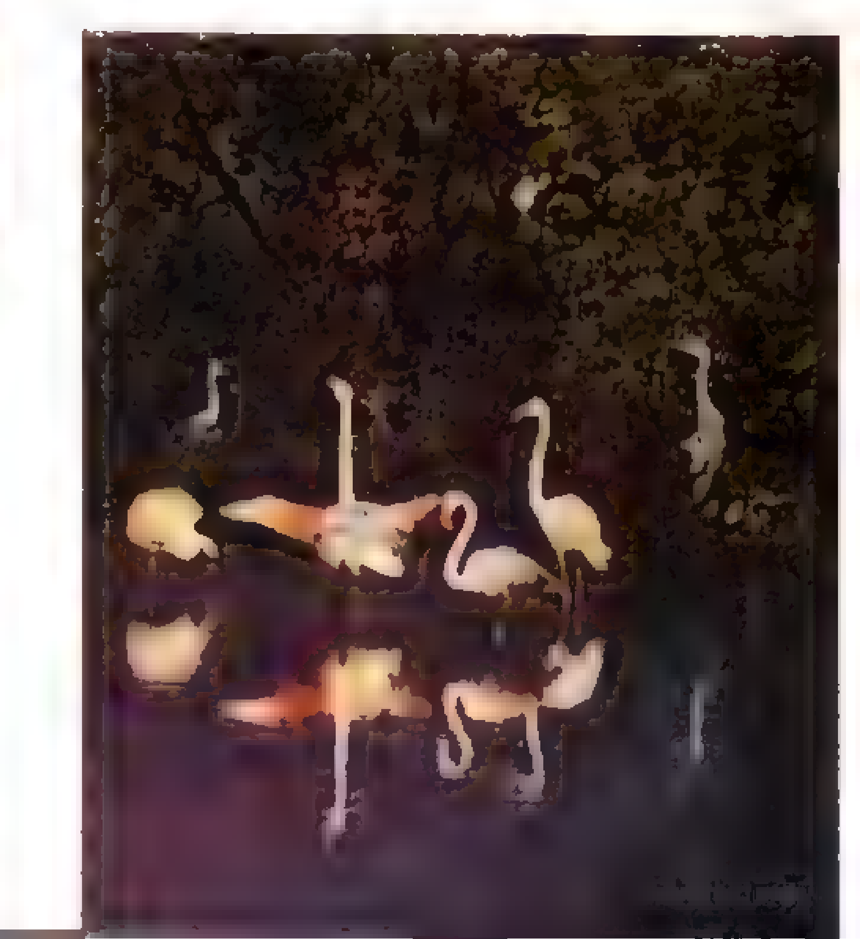

В просторный летний загон выпущена африканская зебра

Бегемоты

Белые медведи.

[illegible]

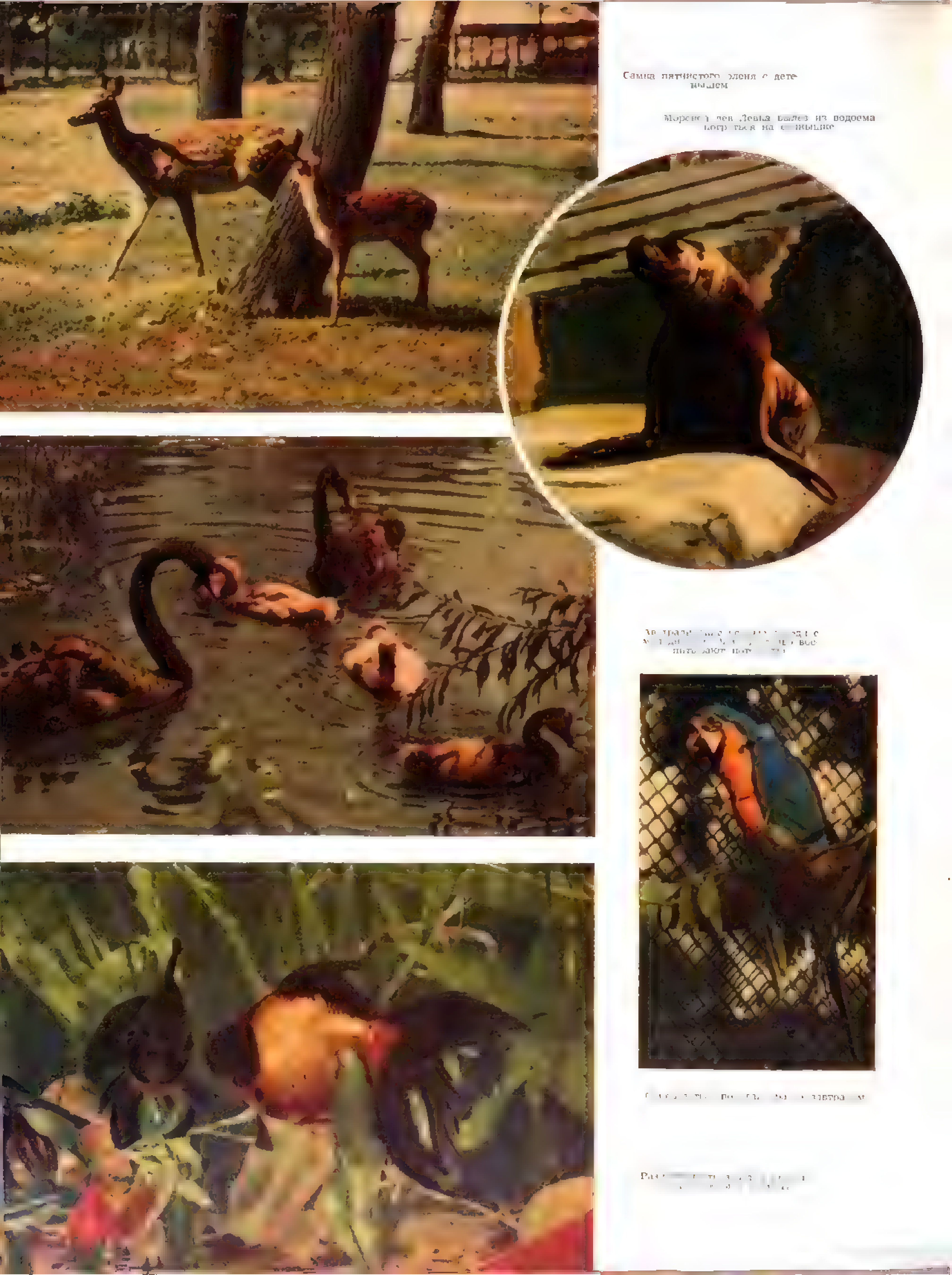
Австралийские волнистые попугайчики [illegible] приспособились к московскому климату [illegible] в открытой клетке. Естеств[illegible] их цвет [illegible]. Цветные вариации [illegible] были [illegible] в Московском зоопарке.

Из воды вышли посушить оперение пеликаны и баклан

Два друга — лев Чандр и собака Тобик. Чандр и Тобик — ровесники и содержатся вместе с трехмесячного возраста.

Самка пятнистого оленя с детенышем

Морской лев Левка вылез из водоема погреться на солнышке

[illegible] все... [illegible]

[illegible] завтраком

[illegible]

Наш сад

Рассказ старого садовника

Михаил ПРИШВИН

Рисунки О. Верейского

Было это очень давно, еще в царское время, и даже не при последнем царе. Мы жили тогда в небольшом рыжем домике — три окошка на улицу и позади сад. В нашем небольшом городке в каждом домике было: окна на улицу в пыль, а позади сад, разделенный заборами. Так было всюду в старое время, и сама Москва ничем не отличалась от провинции. Только в последнее время становится заметным, что сады, скверы и парки в Москве как бы выходят вперед, и это для меня, садовника, самая большая новость и радость. В наше старое время было правило, что впереди для всех пыльная улица, а позади дома сад для себя.

Так вот я хочу рассказать, как в одном городке, где мы жили, время переходило и сады тоже в конце концов вышли вперед. Было как-то раз, приходит в наш домик на Дворянской улице мужичок средних лет в синей блузе. Волосы его были русые, долгие, сапоги высокие смазные, глаза голубые и на конце лица висела острая бородка.

— Здравствуйте, добрые люди! — сказал мужичок.— Хлеб да соль!

— Милости просим! — ответила мать.

За спиной у гостя была сумка, в правой руке палка-писанка самодельная, в левой оказалось самое главное: ящик с красками.

— Я художник,— сказал он матери.— Нельзя ли у вас остановиться на все лето?

— Рада бы, — ответила вежливо мать, — да поглядите сами: тесно, куда я вас дену?

— Баня у вас в саду свободная, — сказал художник, — я бы жил в ней, а когда плоды поспеют, я бы сад караулил.

А это такая правда была о карауле: бывало, как только плоды начинают поспевать, у нас по всему городу воры зубы на яблоки точат, прямо настоящая война начинается, и хозяева даже и спят в садах с ружьями.

Возможно ли было нашей бедной матушке с малыми детьми охранить сад от разбойников! Еще хорошо, что сад был с плодами не каждый год. Но как раз в этот год, когда пришел к нам художник, яблоки и груши завязались с большой силой, и урожай ожидался очень большой. Вот почему предложение художника очень понравилось матери, и она ему так сказала:

— Я вдовой осталась с кучей маленьких детей, мне очень трудно сад караулить. Я бы, конечно, и очень рада была вас пустить в баню, да только мне совестно: вы же не знаете, какая эта баня внутри — не баня, а завалюшка, мы больше в ней и не моемся, и сколько в ней мусору!

— Крыша еще не разъехалась? — спросил художник.

— Единственно только крыша, кажется, и ничего: даже не каплет, — ответила мать.

— Не каплет, — повторил художник, — а что еще нужно? Мусор же, какой бы он ни был и сколько бы его ни было, я уберу и мешать вам ничем не буду: обед буду варить себе сам.

Мать, конечно, обрадовалась такому жильцу и пустила художника в баню.

И как же нам с Сережей понравился этот художник! Может быть, это детство наше так сказывается, но мне кажется, во всей своей долгой жизни я не встречал таких добрых людей. Он с того начал в саду, что возле самой бани вырыл глубокую яму и велел нам таскать в нее всякий хлам из бани: обломки кирпичей, гнилушки, железки, тряпки, ведра без дна. Набралась целая яма всякой такой дряни. После того мы яму со всех сторон засыпали землей, утоптали, и баня стала чистая. Мать пришла поглядеть, принесла белые тряпочки, столик, постелила, похвалила нашу работу и позвала художника обедать.

— Сделайте милость, — ответил художник, — никогда меня не зовите и ничего больше для меня, пожалуйста, не делайте: у меня такой принцип, чтобы делать все по возможности самому и людей своею особой не затруднять, особенно людей таких хороших, как вы. Я и так не знаю, как вас благодарить за сад: как хорошо он зарос, какая тишина: ни один листик не шевельнется.

— Да, — ответила мать, — погода стоит прекрасная. Только старайтесь ничем не задевать соседа: у нас с ним, как и всюду в этих маленьких домиках, спор постоянный, почти что война. И только все из-за одного дерева. Вышло так, что почти половина веток с дерева свешивается через забор, и груши падают на его сторону. Мы, однако, не из-за того с ним спорим: что пало, то и пропало для нас, то пусть и будет его. Спорим мы с ним из-за того, что он всякими способами нахально помогает грушам падать на его сторону. «Дерево,— говорю я,— стоит у меня — мое дерево, и плоды мои». «Не все дерево стоит на вашей земле, — отвечает он, — у вас только корень, а ветки мои; у вас оно только стоит, а меня оно любит». Так ведь мало того, что трясет на свою сторону с тех веток, еще и длинным шестом с гвоздиком достает груши и с нашей стороны. В чем-нибудь он непременно и к вам придирется и вас достанет своим проклятым шестом. Это очень дурной человек, и недаром ему дали такое прозвище...

Мать не посмела выговорить прозвище соседу.

— А я очень люблю эти народные прозвища,— сказал художник.— Если можно, то, пожалуйста, скажите.

Мать ответила:

— Впрочем, ничего особенного. Его все в нашем городе называют Проглотом.

Вот теперь подходит рассказ мой к тому самому, из-за чего я на всю жизнь определился садовником и люблю садовое дело больше всякого и могу по-настоящему делать только сады. Скорей всего, думаю, любовь эта моя к саду пришла ко мне от художника, это он, наверно, обратил глаза мои навсегда в ту сторону. Все лето он писал наш запущенный сад, и как это у него выходило чудесно, я до сих пор никак понять не могу. Начинает он писать какой-нибудь листик или веточку, грушу или яблоко — просто похоже, и больше ничего. После того за этой обыкновенной грушей или яблоком пишет не так уж вественно, зато более привлекательно: глядишь, и тянет тебя не к этому первому, а куда-то подальше. С каж-

дым шагом в этом саду на картине тебя тянет все сильней и сильней в даль. Кажется, будто кто-то взял тебя за руку и уводит, и чем дальше, тем становится все лучше и лучше, и плоды разные умоляют тебя их попробовать...

Слышал не раз я, что сны такие бывают, но сны-то ведь проходят, а картина, сделанная художником, остается. Я и теперь, на старости лет, в руке держу ведро с коровьим жидким

навозом, обмазываю яблоньки, а сам вижу тот незабываемый сад без невзрачных старых заборов. Картину сделал художник,— так почему я не могу сделать такой сад? Вот из-за этого я и сделался на всю жизнь садовником.

Наш жилец хорошо выполнял свое обещание стеречь сад. Он всегда ставил свой мольберт против той груши, что стояла в нашем саду, а ветками любила соседа. На мольберт он ставил свой большой холст на подрамнике, и сосед никак не мог видеть, что же именно делает художник. День проходит за днем, и разбирает соседа любопытство, а может быть, и досада: если так художник все лето будет торчать, закрываясь холстом, как же тогда воровать наши груши? И вот однажды Проглот не выдержал, подзывает нас с Сережей в спрашивает:

— Что он там делает?

Мы ответили:

— Художник пишет груши.

Так прошло сколько-то времени, груши начали желтеть. Проглот опять нас подзывает:

— Что он сейчас пишет?

Мы отвечаем:

— Художник пишет груши.

Проглот разозлился:

— Все одни только груши и пишет?

— Зачем одни: раньше писал зеленые, а теперь пишет желтые. Как они вкусны, спелые желтые груши! Поди-ка их съешь!

И показали ему языки. Он же рассердился и кинул в нас палкой, но не попал. Мы же эту палку — обратно, и ему пришлось прямо по шее. Художник расхохотался, а Проглот всем нам кулак показал и крикнул:

— Вот вы дождетесь, скоро я всем вам покажу кузькину мать!

Ну и, конечно, показал нам, и вот как это было.

Обед готовил себе художник всегда сам, и, видно, в этой заботе он находил себе отдых от работы. Мы же ему с базара все приносили: гречневую крупу, масло, чай, сахар, лук, селедки, огурцы, рыбу; что скажет, то и принесем: базар был рядом.

Было раз так, что художник сел за обед, и кот чей-то, желтый, тигровый, роскошный, приходит и тоже садится за стол рядом с художником.

— Здравствуйте! — приветствовал его художник.

Поласкал его, а кот поднял хвост и запел.

Долго любовался художник котом, и даже мы с Сережей, маленькие люди, поняли, как бедному художнику трудно жить одному, если он коту этому, как милому другу, обрадовался.

И что же, подумайте! На другой день, точно в тот час и минуту, кот является к обеду. День за днем проходит, и кот не пропускает ни одного обеда. Мало того! Как-то раз после обеда кот идет за художником на место работы, трется щекой о мольберт.

А художник и говорит ему:

— Перебирайся-ка, друг, к нам совсем, будем с тобой жить хорошо.

В ответ художнику кот повел себя так, будто он понял предложение жить и согласился. Только на какие-нибудь десять минут он убежал и опять появился совсем.

Плохо было, что все эти разговоры с котом Проглот слышал и хорошо понял, каким большим другом нашим сделался кот.

Сказать, что кот так-таки неотрывно и жил у нас, я не могу. Он жил, как все коты: уходил надолго, показывался на чужих крышах, на заборах. Обедать, однако, он всегда приходил и спал постоянно на одной постели с худож- [illegible]

Случилось однажды, художник очень увлекся своей картиной, и мы тоже замерли в удивлении: груши, яблоки, плоды всякого цвета свешивались массами, и людей никого не было в этом саду, а нам отчего-то казалось, будто мы там, в саду, невидимками, и много детей всяких, и все невидимками.

Какой это чудесный был сад на холсте! Куда девались все наши почерневшие от времени заборчики! Никаких заборов на картине, один только сплошной сад, и в нем невидимками люди.

Вдруг, очнувшись, мы видим: на той стороне забора нашего сада Проглот держит в руке нашего кота и надевает ему на шею петлю...

Мы толкнули художника.

— Что ты делаешь? — закричал он.

— Я обещал вам, — ответил Проглот, — показать кузькину мать. Вот и глядите: он съел у меня сорок цыплят.

— Отдай кота, — сказал художник. — Я тебе за цыплят заплачу.

— Ладно, — отозвался Проглот, — по гривеннику за цыпленка дадите, я погожу вешать кота.

Мы получили приказ взять в бане новые штаны художника и бежать, бежать на базар что есть духу, продать не меньше как за четыре рубля и немедленно возвращаться с деньгами к Проглоту.

В один миг прибежали мы на базар и тут одумались.

— Как же быть, Сережа, — говорю я, — нехорошо будет художнику остаться без новой одежды. Погодим продавать, подумаем.

Сели мы на чью-то лавочку возле одного домика, стали думать и ничего другого не могли найти, как бежать обратно к маме и все ей рассказать.

— Вот что, детки, — сказала нам дома мать, — вы очень хорошо сделали, что пришли со мной посоветоваться. Даю вам четыре рубля, а брюки у меня оставьте. Только смотрите не говорите, что у вас есть деньги, скажите проклятому Проглоту — денег достать не могли и хотите заплатить грушами: по груше за цыпленка, как раз сорок груш. Если же не согласится, заплатите четыре рубля и возьмите кота.

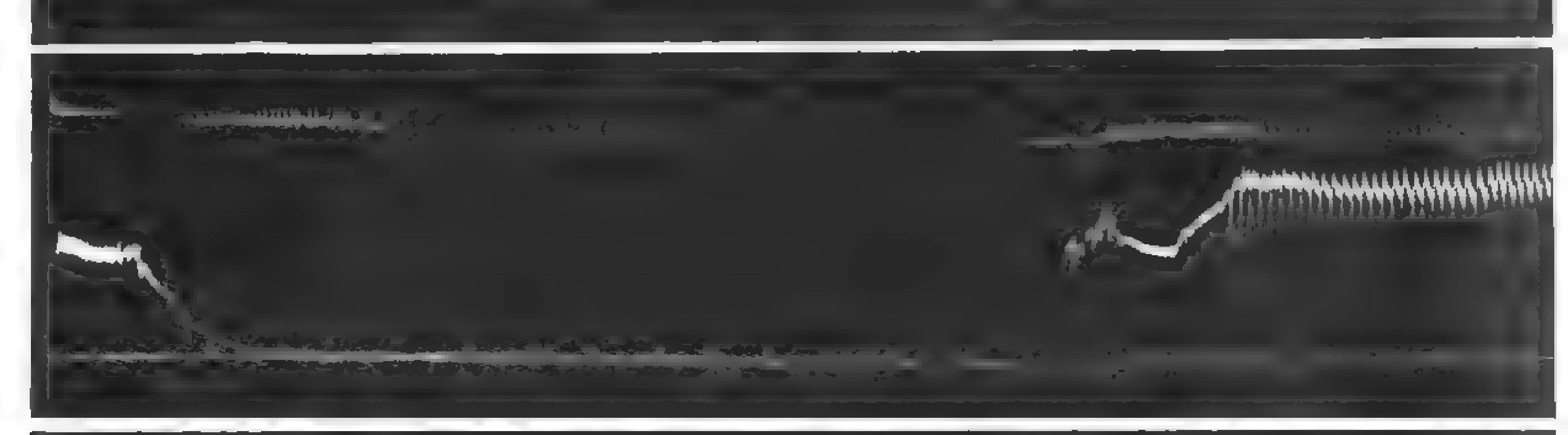
Мы так и сделали. Пока художник обедал, натрясли Проглоту сорок груш, взяли кота, вернули художнику, а брюки мама сама ему принесла.

— Я же вас просила, — сказала она, — не связываться с Проглотом. Зачем вы это сделали? Вот он и показал вам кузькину мать.

Вот эта какая-то страшная кузькина мать оставалась у нас в душе с тех пор. И чем я старше делался, тем яснее мне становилась эта злая сила между людьми, разделенными друг от друга заборами. В каждом домишке, в каждой лачужке, самой ветхой, в старое время невидимо жила эта злоба и разделяла людей.

Много с тех пор прошло времени... На старом месте насадили мы новый большой сад впереди домов, обнесли его решеткой с узорами и покрасили в зеленый цвет. Много людей работало над этим садом, и я всегда у них был старшим садовником. И как видел я на картине сад без заборов, так и мы теперь делали этот самый сад. Какие дорожки в нашем саду, какие загадочные воротца между деревьями, какие встречи бывают между людьми на дорожках! С утра до ночи я за садом приглядываю и указываю разное моим помощникам. Только уже когда совсем стемнеет, ворота в нашем саду запираются. Живу я тут же в маленьком домике, и ключ от ворот у меня.

Так у нас вышел сад и стал впереди домов. Да и в Москве тоже так делается: раньше сады были позади домов — для себя, а теперь они выходят вперед и для всех.

Черная лента хранит в себе строгую, точную запись опыта по оживлению

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Георгий БЛОК

Фото С. Фридлянда

Широкая черная лента, словно расшитая белыми нитками, хранит в себе строгую, точную запись опыта. Верхняя строчка, похожая на бесконечно повторяемую рукописную букву «л», отражает картину дыхания. Средняя, жирная, зубчатая, напоминающая внезапный разряд молнии, запечатлела биение сердца, уверенные толчки крови, ее давление. Обе эти строчки можно назвать линиями жизни.

Лауреат Сталинской премии профессор Ф. А. Андреев.

Внизу ленты есть еще две линии, расположенные одна над другой. Первая — прямая, неколебимо ровная. Это черта нуля, точнее сказать, черта смерти. Вторая, нечто вроде частокола или опрокинутой буквы «п», изображает неумолимый бег времени: короткой вертикальной отмечается исход каждой шестой секунды, а длинной, пересекающей ленту по ширине (десять раз по шесть секунд),— исход каждой минуты.

Идет очередной опыт. На операционном столе лапами кверху лежит усыпленная собака. Равнодушно тикает часовой механизм. По закопченному листу бумаги, натянутой на барабан кимографа — прибора, регистрирующего поведение пульса и дыхания,— едва слышно скользят перья писчиков. Соединенные трубками с животным, они автоматически выводят соответственные кривые, которые позволяют как бы заглянуть внутрь организма, узнать, что там происходит

Вот и сейчас запись говорит о том, что равномерно расширяется и сжимается грудная клетка — вдох, выдох,— правильно сокращается сердечная мышца.

Неожиданно две верхние линии начинают «шалить». Буква «л» становится у́же и выше, «молния» рывком устремляется вниз, зубчики ее делаются резче, острее. Из артерии выпускают кровь, она уходит из тела, а вместе с ней и жизнь. Буква превращается в волнистый след, который секундами позже несколько раз взлетает кверху. Агония — собака судорожно хватает воздух.

«Молния» скатывается все ниже, изредка вздрагивая, почти касаясь линии нуля. На ленте они тянутся совсем рядом: холодный след покоя...

Попрежнему стучат часы, плавно поворачивается барабан, но писчики, кроме отсчитывающего секунды, движутся только по прямой, не сходя со своего пути ни вправо, ни влево. Нулевая линия стала вдвое толще: два пера ползут вплотную друг к другу. Замерло дыхание, остановилось сердце, наступила клиническая смерть.

Но почему клиническая, а не просто смерть? Разве первая чем-либо отличается от второй? Какая, собственно говоря, разница между ними? Ведь если нет дыхания, нет пульса, значит, нет и жизни?! Смерть есть смерть, как там ее ни называй! Произошел неуловимый, неосязаемый скачок от одного состояния к другому, от жизни к смерти. Не так ли?

Нет, не так! Умирание не моментальный провал, не прыжок в ничто, а медленный, растянутый во времени процесс, сопровождаемый скачками. Ученые различают в нем три ступени: агонию, клиническую и, наконец, истинную смерть. И самое, пожалуй, важное — первая и вторая стадии часто не безнадежны, оттуда есть обратная дорога к жизни.

Смерть наступает последовательно и постепенно. Первой прекращает деятельность кора головного мозга — угасает сознание, затем выключается продолговатый мозг, а вместе с ним выходит из строя дыхание. Почти одновременно останавливается сердце — иногда оно держится дольше, сопротивляется упорнее.

Кора мозга без большого ущерба для себя способна пробыть в состоянии клинической смерти пять — шесть минут. Затем в ней происходят необратимые явления, влекущие за собой подлинный конец. Пять — шесть минут — такова пока естественная протяженность клинической смерти.

Следует, однако, отметить, что сердце — как показали опыты над этим органом, изолированным, отделенным от тела,— долго не гибнет, а выдерживает «паузу» в течение суток.

Казалось бы, каждая минута клинической смерти равна любой другой, на самом деле процесс умирания ускоряется: в первую минуту медленнее, чем во вторую, а в шестую неизмеримо быстрее, чем в первую. Точно несется лавина, и чем дальше от вершины, тем она летит быстрее стремительнее, а за пограничным столбом со знаком «6» ее не удержать, не остановить.

Современные методы исследований осветили, что творится в организме после того, как оборвалось дыхание, сдало сердце. Установлено, что в теле продолжает тлеть,— правда, в самой ничтожной степени — процесс обмена веществ. Он напоминает дремлющий под толстым слоем пепла красноватый глазок огня. И если его предоставить самому себе, не вмешаться, не «подкормить», он уснет, погаснет. Да, если не вмешаться...

Истекает последняя, шестая минута. Писчики, уныло тянущие однообразные прямые, вдруг приходят в волнение. Перо, слившееся было с нулем, отрывается от него, поворачивает кверху; не медлит и второе: оно вырисовывает знакомую, но пока очень узкую букву «л».

Это под давлением, несколько превышающим обычное, стали по направлению к сердцу нагнетать кровь в артерию на бедре собаки. Вводят кровь, обогащенную глюкозой и адреналином, который подстегивает сердце, понуждает его вернуться к привычной прерванной работе. Одновременно с помощью мехов делают искусственное дыхание.

Новые строчки на черном фоне похожи на прежние. Линия пульса испещрена множеством продольных черточек. Значит, сердце вновь сокращается, хотя и отстает от нормы. Пройдут считанные минуты, и «молния» в своем первоначальном блеске возродится на ленте.

Рисунок дыхания сначала удивительно схож с исходным,— это равномерно действует искусственное дыхание. Только на третьей минуте появляется самостоятельный вдох, тогда как сердце отозвалось сразу, без промедлений вступив в работу. Растянута и

Лауреат Сталинской премии профессор В. А. Неговский.

Лауреаты Сталинской премии Е. М. Смиренская (слева) и М. С. Гаевская-Соколова ведут опыт по оживлению собаки.

неуклюжая буква «л». Между двумя ее вершинами помещается с десяток искусственных вдохов. Пока дыхание не пробудилось вполне, не стало уверенным и мощным, легкие подбадриваются мехами, родным братом обычных кузнечных мехов.

Линия пульса не осталась безразличной,— это зигзаг, будто выведенный тренированной, твердой рукой. Так повлияло самостоятельное дыхание на сердце.

Лента — бесстрастный и скупой документ опыта — последовательно фиксирует все перипетии, все эпизоды горячей молчаливой битвы против смерти. Битвы напряженной, вдохновенной, благородной, которая, как правило, увенчивается торжеством жизни.

Уже много лет эту борьбу ведут профессор В. А. Неговский и коллектив руководимой им лаборатории экспериментальной физиологии Академии медицинских наук СССР. И ведут настойчиво, все глубже постигая явления, окутанные ореолом извечной тайны, не так давно объявлявшиеся непознаваемыми.

Усилиями наших ученых древнюю притягательную мечту об оживлении удалось превратить в реальную проблему. Дата и место рождения новой отрасли естествознания — 1913 год, Москва. Имя пионера — Ф. А. Андреев, тогда молодой ассистент кафедры патологии Высших женских курсов. Он выступил в журнале «Вопросы научной медицины» со статьей «Опыт восстановления деятельности сердца, дыхания и функций центральной нервной системы», где излагал оригинальный способ оживления остановившегося сердца.

Передовые идеи, положенные в основу этой работы, заинтересовали молодого советского ученого В. А. Неговского. Потребовались годы упорного творческого труда, прежде чем он — вместе с научными сотрудниками лаборатории М. С. Гаевской-Соколовой и Е. М. Смиренской — всесторонне развил и существенно дополнил теоретическую базу проблемы, создал комплексный метод восстановления жизненных функций организма, находящегося в состоянии агонии или клинической смерти.

Почему не одновременно, не сразу, умирают различные органы, почему кора больших полушарий головного мозга выбывает из строя первой? Ответить на это помогло павловское учение о высшей нервной деятельности.

Кора — самое юное образование, она появилась в ходе эволюционного — постепенного — развития центральной нервной системы сравнительно недавно, позже своих «соседей». Самая юная, а значит, самая нежная, легко ранимая, она первой выключается из беспощадного единоборства, уклоняется от непосредственной схватки со страшной гостьей.

Сердце старше коры по возрасту. Оно — более древнее, мощное образование; очень стойкое, менее уязвимое, оно сражается упорно, принимает на себя сильные удары. И умирает последним, и оживает первым.

На черной ленте ясно запечатлено, как сердце и дыхание все ближе подбираются к норме, сокращения становятся все ровнее, четче. Вычерченные линии минут через двадцать — двадцать пять после начала оживления не отличаются от тех, что идут до операции. Однако было бы грубой ошибкой думать, что смерть отказалась от своей жертвы в тот момент, когда линии из прямых превратились в кривые, то есть когда сердце и легкие после перерыва заработали.

Тщетно мы стали бы искать на ленте линию, которая показала бы, что делается в это время в мозгу, вернее, в его коре. И это не случайно. Кора на протяжении всего опыта и еще долго после того, как остановили кимограф и собаку унесли из операционной, спала, спала крепко, сном, похожим на непробудный. Но раз оживление произведено в пределах клинической смерти, не позднее пятой — шестой минуты, кора снова должна вернуться к исполнению своих обязанностей.

Сознание угасает первым и пробуждается, словно украдкой, последним. Неторопливо восстанавливаются нарушенные функции коры. Только двое суток спустя собака ведет себя, как обычно,— ходит, откликается на зов, пьет и ест без посторонней помощи, уверенно различает предметы.

Созданная профессором В. А. Неговским и его сотрудниками комплексная методика оживления, эффективно проверенная в опытах на животных, достаточно проста. Может быть, поэтому она не задержалась в лаборатории, а вышла из ее стен в клинику.

Боевое крещение новый метод получил в годы Отечественной войны. Его применяли в так называемых безнадежных случаях, когда, испробовав все средства, принятые на вооружение советской медициной, все силы, знания и опыт, хирург с горечью признавался, что он полностью исчерпал то, чем располагал, и вынужден прекратить борьбу.

Тогда, затратив краткие минуты,— завершив подготовку, ученые-новаторы начинали прерванное было сражение за жизнь человека. И нередко попытка завершалась успехом: смерть отступала. В историю болезни вместо траурного извещения о кончине вносилась необычная выразительная запись о раненом бойце, пробывшем 3—5 минут в состоянии клинической смерти и возвращенном к жизни.

Сейчас список людей, по сути дела, дважды родившихся, заполнен десятками имен. Здесь лица разного возраста и профессий, молодые и старые, мужчины и женщины. А если к этому прибавить еще и тех, кто вырван из агонии — первого этапа умирания,— то перечень составит внушительную цифру — многие сот-[illegible]

Естественно спросить: почему число людей, выведенных из агонии, превышает спасенных от клинической смерти? Что это — недостатки нового метода?

Отнюдь нет. Принцип нашей медицины — не ждать, когда подберется клиническая смерть, а захватить, пресечь ей предшествующее состояние. Тогда лечение протекает еще успешнее. Да, лечить, а не складывать оружие, ибо эти две стадии — тоже болезнь, которую еще недавно многие по неведению принимали за настоящую смерть.

Надо считать твердо установленным: если человека, умершего от острой потери крови, шока, электротравмы, ранений, своевременно подвергнуть лечению, то его можно исцелить. Но если, помимо того, изнурительная или тяжелая болезнь разрушила жизненно важные органы или нанесла им непоправимый ущерб, то нельзя рассчитывать на благоприятный исход.

Со смерти — исконной «обители божьего промысла» — сброшена пелена мистического тумана. Сделан первый властный шаг к ее познанию.

Сделан первый шаг. Впереди очень много труда. Перед В. А. Неговским и коллективом его сотрудников открыта необозримая перспектива, поставлены трудные, великие цели. Надо найти средства искусственного удлинения срока клинической смерти, то есть суметь сохранить кору мозга не в течение 5—6 минут, а дольше. Следует сказать, что завоевание каждой минуты сверх обычной очень и очень сложно. Надо найти способы возвращения к жизни и тех, кто скончался после некоторых заболеваний.

У В. А. Неговского много последователей и учеников. Да иначе и быть не может. В нашей стране делается все, чтобы продлить жизнь людей. Медики Москвы и Ленинграда, Киева и Сталино, Свердловска и Алма-Аты, Сталинабада и других городов, а иногда и сел все чаще пользуются методом Неговского, восстанавливают жизненные функции больных, захваченных агонией.

В научных журналах печатаются статьи о побеждаемых агонии и клинической смерти. Об удачных опытах по возвращению к жизни опубликовали сообщения профессор Л. Н. Кузьменко (Сталино, Донбасс), врач Л. О. Кетлер (с. Кесьма, Калининской области), хирург Х. Д. Гаджиев (Сталинабад).

Сталинская премия, присужденная В. А. Неговскому, Е. М. Смиренской, М. С. Гаевской-Соколовой, Ф. А. Андрееву,— достойная награда за их труды.

По закопченному листу бумаги, натянутой на барабан кимографа — прибора, регистрирующего поведение пульса и дыхания,— едва слышно скользят перья писчика. Соединенные трубками с животным, они автоматически выводят соответственные кривые, которые позволяют как бы заглянуть внутрь организма, узнать, что там происходит.

ВЕТЕРАН ВОЙНЫ

Рассказ

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки В. Высоцкого

Объявление на фабричной ограде гласило: «Рабочая сила не требуется». Возле объявления стоял высокий, плохо одетый человек. Его потертое, некогда черное пальто с годами приняло грязно-зеленый оттенок. Пуговиц не пальто не было. Запахнувшись, человек придерживал полу одной рукой; другую руку он засунул в карман.

Из-под пальто виднелись рубашка без воротничка и обтрепанные, грязные серые брюки. Дешевые, почти новые сандалии не соответствовали его костюму.

Человек давно не брился, да и выкупаться ему не мешало бы.

Наконец он повернулся и, понуро опустив голову, медленно пошел дальше. Весь его вид говорил о том, что такие объявления встречались ему не раз и он не находит уже ничего удивительного как в этих объявлениях, так и в бесконечных поисках работы.

«...Зря все это,— думал он.— Говорил же я Мэри: искать дальше нечего. Точка. Придется подыхать на пособие... А все-таки она права — работу я должен найти во что бы то ни стало. Расплатиться с долгами — особенно за квартиру,— купить какой-нибудь хорошей еды, одежду... выкупить швейную машину. Все это понятно. Но главного она еще не понимает. Я скатываюсь все ниже и ниже. Нет сил ни для борьбы, ни для чего... Не хочется даже побриться... Я должен найти работу. Иначе конченный я человек».

Незнакомец продолжал бесцельно идти вперед, мимо фабрик, у ворот которых давно уже висели объявления, преграждавшие путь потоку безработных.

Человек шел до тех пор, пока не заметил фабричных ворот без объявления. Он вошел внутрь, разыскал контору и нерешительно остановился перед окошечком с надписью: «За справками обращаться сюда. Звоните».

Человек потянулся было к звонку, но сразу же отдернул руку и спрятал ее за спину, как будто испугался, что его ударит током. Потом он снова протянул руку и резко позвонил.

Окошко открыла хорошенькая молодая женщина. Она взглянула на незнакомца и спросила: «Что угодно?» В бесконечных поисках работы ему тысячи раз приходилось отвечать на подобные вопросы, но теперь он почувствовал вдруг, что язык не повинуется ему. Наконец он выпалил:

— Место. Работу. Любую.

Женщина жеманно поджала губы.

— У нас нет вакансий,— ответила она.

Человек помедлил немного, словно собирался сказать что-то еще. Быть может, он хотел вызвать управляющего. Но потом, видно, передумал и, медленно повернувшись, пошел прочь.

На улице он остановился, как будто не решил еще, в каком направлении идти дальше, потом пересек дорогу и пошел по противоположной стороне непривычно большими шагами. Он шел долго мимо заводских оград со строгими предупреждающими надписями; наконец дошел еще до одной фабрики.

Автомобильный завод! Родная профессия. И объявления на воротах нет. Человек быстро вошел внутрь. Знакомый гул и грохот машин, как музыка, зазвучали в его ушах. Он увидел паренька, который обтачивал на токарном станке поршень. Человек остановился. У него зачесались руки. Токарные станки! И никакого объявления о том, что рабочие не требуются! Он расправил плечи, пригладил рукой волосы и быстро направился к конторе, жалея, что не надел воротничок и галстук и не привел себя немного в порядок.

Справочное окошечко открыл добродушный седой мужчина в синем пиджаке.

— Чем могу быть полезен? — спросил он.

— Я ищу работу. По профессии токарь-механик. Хорошие рекомендации. Работал на разных станках.

— Очень сожалею. Сейчас люди не требуются.

— Но на воротах нет объявления. Специалист с хорошими рекомендациями всегда пригодится.

Седоволосый мужчина помедлил с ответом; казалось, ему было трудно отказать человеку. Он внимательно оглядел потрепанную одежду незнакомца, и его взгляд остановился на лацкане старого пальто.

— Как правило, мы нанимаем только демобилизованных,— сказал он.

— Я демобилизованный.

— Хм... чем же вы можете доказать это?

Оборванный человек опустил было руку в жилетный карман, но потом быстро вынул ее оттуда.

— У меня есть доказательство,— сказал он,— но теперь оно ничего не значит.

— В данный момент у нас нет вакансий,— повторил седоволосый мужчина,— но если вы представите доказательства того, что вы демобилизованный солдат австралийской армии, я запишу ваше имя. Возможно, когда-нибудь впоследствии...

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь,— сказал оборванный человек. Он повернулся на каблуках и медленно направился к выходу.

С трудом передвигая ноги, человек продолжал свой бесцельный путь. Он шел до тех пор, пока не оказался на широком мосту за пределами города. Человек остановился у перил и долго смотрел вниз, туда, где бурлила мрачная вода. Потом оглянулся и окинул взглядом дорогу, которая привела его сюда. Вдали виднелись неясные контуры домов, магазинов, фабрик, окутанных пеленой желто-серого дыма.

Человек повернул голову и бросил взгляд на другую сторону: роскошные особняки, окруженные нарядными садиками, с тайным злорадством глядели на него с того берега.

Его осенила неожиданная мысль. Прихрамывая, он пересек мост, с трудом взобрался на холм и свернул на широкую асфальтированную улицу, окаймленную с обеих сторон подстриженными газонами и стройными деревцами.

У высокой ограды человек замедлил шаги, одернул пальто и, пригладив рукой волосы, медленно вошел в калитку. Усыпанная гравием дорожка хорошо ухоженного сада вела к большой каменной веранде.

Человек робко подошел к парадной двери и нерешительно нажал звонок. Дверь открыла нарядно одетая дама. Она была немолода и безуспешно пыталась замаскировать свой возраст с помощью пудры, краски и невероятно пышной прически. Увидев оборванного незнакомца, дама слегка растерялась, потом сухо спросила:

— Почему вы звоните у парадной двери?

— Простите, мадам. Я хотел узнать, не нужен ли вам садовник. Подстригать газоны или еще какую-нибудь работу на час — другой...

— У нас есть садовник,— сказала дама.— А в будущем знайте свое место и обращайтесь с черного хода. Нам бродяги не нужны.

Униженный, рабский тон незнакомца исчез. Его глаза засверкали, кулаки сжались. Неожиданно он широко распахнул пальто, трясущимися от гнева пальцами расстегнул пиджак и, вытащив рубашку, обнажил белый живот.

— Видишь это? Видишь этот шрам? — крикнул он.— Пуля вошла сюда и вылетела с другой стороны! Я воевал за таких, как ты, старая ведьма!

Дама отпрянула назад, в ее глазах застыл ужас, она поднесла руку ко рту и пронзительно закричала.

Человек повернулся, одернул рубашку и, шатаясь, точно безумный, выбежал за ограду. Здесь он остановился и, задыхаясь от быстрого бега, боязливо огляделся вокруг. Он заправил рубашку в брюки и, тяжело припадая на обе ноги, потащился к городу. Теперь он шел, еще больше ссутулившись, и его хромота еще резче бросалась в глаза.

Сандалии жали ноги, пальцы стерлись до крови, на пятках появились волдыри. Опустив голову и наталкиваясь на прохожих, он проходил квартал за кварталом, пока не очутился в предместье города, у городского парка. До него донеслись оживленные голоса. Неподалеку на газоне расположились трое оборванцев. Один из них тянул прямо из бутылки.

— Хэлло, Коллинз! — окликнул пьяница вновь подошедшего.— Не хочешь ли?

Человек посмотрел на протянутую бутылку, помедлил немного, потом пересек газон и подошел к оборванцам.

— Привет, Сэм! — сказал он.— Если разрешишь, я отхлебну немножко.

Он взял бутылку, вытер горлышко и сделал несколько глотков. Дрожь прошла по его усталому телу.

— Спасибо,— сказал он, возвращая бутылку.

У оборванцев были прыщавые лица и тусклые глаза алкоголиков. Вскоре один из них хриплым голосом начал рассказывать какую-то безумную историю. Собутыльники хохотали до слез.

«Сэм и эти двое нашли выход,— подумал Коллинз.— Пьют и заливают горе вином. Что толку беспокоиться и искать работу? Сэм отказался от этой затеи».

— ...И вот, пока мы отсыпались,— продолжал рассказчик,— один из садовников привязал мои ноги к ногам Джека. Понимаете? Ко-

На конкурсе, организованном Австралийским советом защиты мира, рассказ удостоен первой премии.

где мы проснулись, я встал и попробовал уйти, но тут же грохнулся на землю; потом встал Джек и тоже грохнулся. Садовники следили за нами из-за кустов. Вот это была потеха так потеха! Ну и ржал же я, подохнуть можно!

«Подохнуть можно!» — вот что он сказал. Расстроенный рассудок Коллинза уцепился за эти слова.

«Подохнуть можно!» — Коллинз повернулся и пошел прочь.

— Спасибо за выпивку, дружище! — саркастически и визгливо крикнул ему вслед один из оборванцев. Но Коллинз не слышал ничего.

Прихрамывая, он шел вперед и думал: «Глупеет человек. Подохнуть можно...» Слова пьяницы не выходили у него из головы. Когда Коллинз дошел до города, черные тучи неожиданно заволокли небо и полил сильный дождь. Коллинз засунул руки в карманы пальто и поплотнее запахнул его. Вскоре вода просочилась в сандалии — стертые ноги разболелись еще сильнее. С трудом передвигая ноги, человек продолжал блуждать под проливным дождем. Дешевое вино бродило в пустом желудке и вызывало тошноту.

«Что толку? — думал он.— Сколько все это может продолжаться? За три года всего лишь несколько полных рабочих дней. Недельное пособие — похлебка и 10 шиллингов. Ни еды, ни одежды. Только счет за квартиру или «Убирайтесь вон!» И долги, сплошные долги... Свет выключен, швейная машина заложена, Мэри высохла, как скелет, дети разуты, дрова на исходе... Подохнуть можно!»

Ночь наступила неожиданно. Тускло замерцали огни. Рассекая дождь и холодный ветер, со свистом пролетали автомобили. А человек все шел и шел, не зная и не заботясь о том, куда идет.

На углу какого-то переулка он остановился и устало прислонился к стене.

«Лучше вернуться домой и выпить чаю»,— подумал он.

Откуда-то донесся запах пищи. Где-то неподалеку был ресторан.

«Я согласился бы сейчас на любую работу,— подумал Коллинз.— Начал бы ее немедленно. Пусть в ночную смену. Все что угодно». Он громко рассмеялся. Из глубины переулка ему ответило эхо. Тошнота прошла. Ее сменило чувство голода. Человек ничего не ел с самого утра, да и утром он съел только поджаренный ломтик хлеба и запил его чашкой чая.

Черный ход ресторана. Говорят, здесь можно кое-чем поживиться. Послышались голоса, и Коллинз увидел бродяг, толпящихся возле двух больших урн.

Дверь распахнулась, луч света пронизал темноту и осветил этих оборванцев, еще более страшных, чем Коллинз. В дверях появился официант в белой куртке с корзиной в руках. Не обращая никакого внимания на бродяг, он вывалил содержимое корзинки в одну из урн. Капустные листья, огрызки мяса, свиные хрящи, косточки от компота — все это превратилось в отвратительное месиво.

Отталкивая друг друга от урны, люди стали с жадностью выхватывать оттуда объедки... В своем голодном неистовстве они едва не опрокинули урну. На мгновение Коллинз было присоединился к ним. Но внезапно смысл происходящего дошел до его сознания. «Нет! Только не это! Как голодная собака! Никогда!»

Он выбежал из переулка. Холодный, пронизанный дождем мрак снова окружил его. Он шел до тех пор, пока ноги не привели его на широкий мост.

Коллинз остановился у перил и задумался. Затем он решил перейти на другую сторону моста. Когда он дошел до середины моста, раздался оглушительный окрик.

Резко затормозив, грузовик свернул в сторону, чудом не задев его. Коллинз не заметил этого. Машина остановилась. Из кабины показалась голова шофера. «Ты что? Жить надоело?» — закричал он. Оборванный человек не слышал ничего. Он подошел к перилам и наклонился вниз, вглядываясь туда, откуда доносился шум воды, бьющейся о громадные каменные выступы.

Человек долго смотрел в черную пропасть реки, потом пошарил в жилетном кармане, достал маленький кошелек, вынул оттуда какой-то предмет и бросил его в реку.

В тусклом свете фонаря блеснул небольшой бронзовый крестик с орденской ленточкой...

Через мгновение послышался всплеск воды. Некоторое время человек еще неподвижно стоял у перил. Наконец он вздохнул, отвернулся и медленно пошел прочь.

Дождь усилился. Тяжело припадая на больные ноги, человек медленно тащился по городу. Теперь он шел по направлению к рабочим кварталам. Под ногами хлюпала грязь. Человек промок насквозь и дрожал от холода. Еще одна темная улица. Освещенный вход привлек его внимание. Коллинз остановился. Здесь помещался какой-то клуб. В освещенном вестибюле возле дверей висел плакат: «Сегодня вечером собрание. Общество сторонников мира». Коллинз подошел к объявлению и перечитал его еще раз: «...Общество сторонников мира...»

Щурясь от света, он нерешительно вошел в помещение. На трибуне, обращаясь к присутствующим, наполовину заполнившим зал, стоял оратор.

Коллинз сел сбоку на первый попавшийся стул.

Слова говорящего смутно доходили до его сознания:

— ...Угроза войны. Новая мировая война явится страшным бедствием...

Коллинз прислушался. Теперь, наклонившись вперед, он начал сосредоточенно слушать оратора.

Недоуменно нахмурив брови, он размышлял над каждым словом.

— ...мы должны рассказать народу об ужасах войны,— говорил оратор.— Мы должны рассказать людям о судьбах ветеранов, которые оказались теперь выброшенными за борт. Наша организация будет повсюду проводить митинги и рассказывать людям правду.

Оратор сошел с трибуны. Поднялся председатель. Неожиданно Коллинз вскочил со своего места и крикнул: «Послушайте, мистер!»

Председатель с удивлением посмотрел на него. Присутствующие обернулись назад. Коллинз стоял, крепко уцепившись за спинку переднего стула.

— Слушаю вас,— сказал председатель, недоуменно глядя на незнакомого человека.

— Послушайте, мистер, — повторил Коллинз. — Расскажите людям о том, как человек был награжден крестом Виктории и как он выбросил этот крест в реку.

Люди смотрели на Коллинза с недоверием.

— Это правда. Уверяю вас. Меня наградили крестом Виктории. Я могу это доказать.

Человек вытащил из кармана маленький кошелек и высоко поднял его.

— Вы видите эту вещь? Это кошелек, в котором я в течение всех этих лет хранил свою награду. Я был награжден крестом Виктории и сегодня выбросил его в реку. Я сделал это потому, что для героев войны нет работы. Вот уже три года, как я не могу ее найти! — Голос Коллинза сорвался.

— Скажите людям,— задыхаясь снова крикнул он, — что человека наградили крестом Виктории! И что он выбросил этот крест!

Рыдание вырвалось у него из груди.

Ничего не видя перед собой, Коллинз вышел из зала в холодную дождливую ночь. Он высоко поднял голову, распрямил плечи и быстро пошел вперед, широко размахивая руками. Казалось, человек забыл о холоде, о своих мокрых, стертых ногах и о страшной пустоте в желудке.

Перевела с английского Ф. Лурье

В нашем городе

Лев СОРОКИН

НА УРАЛЬСКОМ ЗАВОДЕ

Все учел плановик,
Седоусый старик:
«План завышен, конечно.
Не сорвался б кузнечный!

А ведь нынче как раз
Слово дали министру,
Что столичный заказ
Будет выполнен быстро».

Все учел плановик,
Цифру каждую сверил...

Через месяц старик
Сам себе не поверил:

Сверх программы завод
Сто машин выдает!

У рабочих Урала
Слово крепче металла.

Улыбнулся старик:
— Был просчет, без сомненья...

Все учел плановик,
Не учел — вдохновенья!

ДВУХЭТАЖНЫЙ ДОМ...

Двухэтажный дом
многооконный,
Неприметный, серенький фасад.
Почему же чуточку смущенно
Перед ним влюбленные стоят?!

Почему
торжественно
влюбленный
Открывает двери в этот дом?
Дом как дом...
Да здесь же ЗАГС
районный,
Разве вы не знаете о том?!

Сгоряча, видать, на молодую
Полфлакона вылили духов.
Молодой идет (и ног не чует!)
Лестницей,
как строчками
стихов.

Да, стихи здесь кстати,
но об этом
У поэтов нету ни строки.
Или в ЗАГСе не были поэты?
Или все они холостяки?..

Перемены

Игорь КОБЗЕВ

СОКРОВИЩА СУЛТАН-УИЗ-ДАГА

В горах,
Где туман, да ветер,
Да быстрая тень орла,
Где страж двадцати столетий —
Крепость Гяур-Кала,
Седой смуглолицый мастер
Поведал мне о себе,
Правдивую быль о счастье,
О золоте, о судьбе...

Он поискам отдал молодость,
Поверив словам молвы,
Что здесь находили золото,
Рыли в горах шурфы.

Напористый и упрямый,
Кряж он насквозь прошел.
Нашел мергели и мрамор,
Но золота не нашел.

И понял он тайну древности:
Молва о шурфах лгала,—
Там брали гранит для крепости,
Чтоб строить Гяур-Кала.

Не тронутая веками,
Стоит она меж вершин.
А сам он, как старый камень,
С трещинками морщин...

Что ж, видел он радость!
Видел.
Недавно вот здесь, в горах,
Прошел молодой строитель
С картой его в руках...

Молчанье веков расколото.
Здесь буйствует динамит.
Для стройки дороже золота
Мрамор, цемент, гранит.

...И вижу я: старый мастер
На деле уже узнал,
Как людям приносит счастье
Строящийся канал!

ВЕРБЛЮД

Слепящий зной,
Песок да ветер...
Ни вол, ни мул
здесь не пройдут,
Ишак с арбою не проедет,
Пробиться может лишь
верблюд.

Всегда исполненный гордыни,
Не зря задрал он морду вверх:
Он был один «корабль пустыни»
И потому плевал на всех.

Он шел надменными шагами,
Оказывая людям честь,
Гордясь и грузными горбами
И тем, что мог колючку есть.

И вот он смотрит виновато,
И видит он: ползет в пески
Большой горбатый экскаватор
Пескам и ветрам вопреки.

Испуг и стыд в глазах верблюда:
Какой-то зверь нездешних мест
Идет в пустыню
с громким гудом
И — что колючка! — землю ест.

Они из далекой Якутии

Редакция «Огонька» получила письмо из Якутска от Николая Гавриловича и Софьи Евсеевны Золотаревых. Они просят рассказать о том, как живут и учатся в столице молодые якуты — студенты Московского университета. Среди них и сын Золотаревых — Вилюй.
Редакция исполняет просьбу читателей.

Студенты университета Мария Гаврилова и Вилюй Золотарев встретились с пионерками, [redacted] географического кружка, Московской 695-й школы. Мария Гаврилова (в центре) рассказывает об агитпоходе на строительство Каховской ГЭС.

Фото Я. Рюмкина

Уже третью весну Вилюй Золотарев встречает в Москве.

А кажется, совсем недавно летел он из родной Якутии в столицу, чтобы поступить на юридический факультет университета.

Приветливо встретила Вилюя Москва. Не успел он войти в университетское общежитие, как его окружили будущие друзья. Руслан Боголепов — паренек из-под Тулы,— дагестанец Арслан Халилов, кабардинец Абу Шагенов, киргиз Назир Абдылдаев. Каждый крепко пожал руку и назвал свое имя.

— А меня Вилюй зовут... Река такая у нас в Якутии. Оттуда я.

С первого дня занятий молодой якут аккуратно посещает лекции, много работает над книгой.

Живой, веселый юноша сразу привлек к себе симпатии и уважение товарищей-однокурсников. На комсомольском собрании его избрали [redacted] бюро.

Сейчас Вилюй на третьем курсе. В его зачетной книжке только отличные отметки.

Вместе с Вилюем Золотаревым учится немало его земляков. Дети таежных охотников, рыбаков, крестьян получают высшее образование в старейшем университете страны.

На географическом факультете занимается Ким Говоров, на химическом — Элькон Чудинов, на механико-математическом — Ия Колмогорова.

Уроженка Якутии Мария Гаврилова избрала своей специальностью климатологию.

Прошлым летом Мария проходила практику в прикаспийской климатологической экспедиции. Возвращалась она из Астрахани в Москву пароходом. Много интересного повидала девушка в пути, особенно запомнились ей огни великих строек под Сталинградом и Куйбышевом. Зимой, во время каникул, Мария побывала на строительстве Каховской ГЭС. Летом она поедет в свои родные края. Впереди еще два года учебы, но девушка уже готовится к дипломной работе «Климатические особенности Якутии».

Немало молодых якутов окончили Московский университет. Некоторые выпускники возвратились к себе в республику, другие остались в аспирантуре. Д. Сивцев, И. Григорьев посвятили себя научной деятельности.

Так живут и учатся в столице уроженцы далекого северного края.

П. КОРЖ

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Они избрали мир

Арчибальд Джонстон и Ричард Сквайрс — представители двух поколений английского народа, молодость которых прошла в годы войны. А. Джонстон добровольцем участвовал в первой мировой войне, Р. Сквайрс — во второй. Ныне они оба возвысили свой голос против того, чтобы новые поколения молодежи были брошены в огонь третьей мировой войны.

«Для меня вопрос о будущем Европы — это вопрос моей личной судьбы, жизни и смерти миллионов простых людей... Перед нами два пути: путь войны, хаоса, разрушений и путь борьбы за мир на долгие и долгие годы. И каждому из нас снова надлежит сделать свой выбор между этими двумя путями»,— пишет Р. Сквайрс, бывший майор британской армии, который порвал с нею, когда убедился, что правящие круги Англии держат курс на третью мировую войну.

«Я использую свой личный опыт — свой жизненный путь, свою осведомленность о фактах, обычно неизвестных широкому кругу людей, свои сомнения, колебания, свое конечное жгучее убеждение в том, что мир должен быть завоеван,— чтобы показать всем, что речь идет о неотложных вопросах, в которых заинтересован каждый мыслящий человек во всем мире». Такую задачу ставит перед собой Джонстон, бывший редактор «Британского союзника», газеты английского правительства, порвавший с ним, когда убедился, что политика правящих кругов Англии — это политика негласной войны против СССР, ведущая к третьей мировой войне.

Две эти книги дополняют друг друга. Р. Сквайрс рассказывает о том, что видел и слышал, сражаясь в рядах английской армии, а затем служа в оккупационных войсках в Германии. А. Джонстон повествует о том, что наблюдал в «свободной» прессе Англии во время войны, а затем в британском посольстве после войны. Различны были сферы деятельности офицера Сквайрса и журналиста Джонстона, но оба они столкнулись с одним и тем же: с пропагандой ненависти к СССР, с проповедью необходимости войны против нашей страны, с практической подготовкой этой войны.

«Жаль, что их потери исчисляются тысячами, а не миллионами»,— так говорил о русских зимой 1941 года майор Уильямс, офицер армии Великобритании — союзника СССР,— выражая не свои личные взгляды, но то, что думали, а также и говорили «не для печати» правящие круги Англии.

«Я хотел бы видеть германскую армию в могиле, а Россию — на операционном столе»,— эти циничные слова У. Черчилля были, как свидетельствует Р. Сквайрс, широко распространены среди высших офицеров английской армии. Правители Англии и США делали все, что от них зависело, чтобы СССР истощил свои силы в единоборстве с фашистской Германией. Когда же эта ставка была бита, они немедленно составили новый план. «Опыт этих нацистских генералов в один прекрасный день может нам пригодиться»,— заявил в апреле 1945 года полковник Орр, разъясняя Сквайрсу, почему в кабинет начальника штаба 21-й армейской группировки запросто приходят высшие гитлеровские офицеры и генералы СС.

О том, что правящие круги Англии сознательно возрождают германский милитаризм как ударную антисоветскую силу, говорит сцена, свидетелем которой летом 1947 года был Сквайрс. В Западную Германию с инспекционными целями приехал член парламента либерал Кеннет Линдсей. На обеде у командира 4-й гвардейской бригады генерала Стратитона он сказал: «Я надеюсь, что вы не забываете о помощи, которую вам могут оказать наши западногерманские друзья. Несомненно, они будут рады помочь вам в борьбе против русских».

— Все это учтено. Мы твердо рассчитываем на их помощь,— сказал командир дивизии генерал Бальфур.

— Война против русских возможна лишь в том случае, если мы будем воевать совместно с западногерманской армией,— подтвердил генерал Стратитон.

А ведь именно в то самое время представители английского правительства на Московской и Лондонской конференциях по германскому вопросу категорически отрицали, что проводят восстановление милитаризма в Западной Германии...

В том же году А. Джонстон, приехав в Москву, убедился, что британская дипломатия на деле осуществляет подготовку войны против Советского Союза. Даже отделы культурной связи посольства являются убежищем для активных антисоветских элементов! А, по меткому замечанию Джонстона, «человек, активно проявляющий ненависть к Советскому Союзу, является поджигателем войны».

— Если бы наше лейбористское правительство было посмелее,— разглагольствует за стаканом виски королевский курьер Хью Брукинг, — оно расстреляло бы всех этих предателей, которые выступают в защиту русских. А что до самих русских, так атомная бомба слишком хороша для них. Я бы им всем с радостью глотки перерезал — и мужчинам и женщинам.

— И детям? — спросил Джонстон.

— И детям,— был ответ.

Брукинг — людоед в смокинге и с моноклем — не исключение. «Под крышей одного посольства» (как назвал Джонстон одну из глав книги) гнездятся такие же поджигатели войны, начиная с тогдашнего главы посольства сэра Мориса Петерсона и кончая младшими сотрудниками: белогвардейцем Джорджем Грэмом, который страдал не от присутствия алкоголя в крови, а от наличия крови в алкоголе, наполнявшем его вены, спекулянтом Яном Самсоном, который только благодаря своему дипломатическому рангу не попал на скамью подсудимых за торговлю контрабандно провозимыми в диппочте товарами; развратником Бандоком, заразившим девушку венерической болезнью и укрывшимся от уголовного преследования в здании посольства. Эти, с позволения сказать, дипломаты занимаются сеянием ненависти к СССР, стряпая и посылая в Лондон под видом информации необузданную клевету на СССР. А внутри нашей страны они безуспешно пытаются заниматься тем, что на их же языке называется «любыми способами отравлять сознание людей» (как писал в дневнике военный атташе США Гроу, не предполагавший, что фотокопия дневника окажется в руках Сквайрса, который опубликовал из него целый ряд выдержек).

«Британский союзник» и «Америка», призванные добиваться этой цели, потерпели, как и следовало ожидать, полный крах. Джонстон, как бывший редактор «Британского союзника», рисует историю постепенного упадка и позорного конца этого издания, от которого решительно отвернулись советские чита-[illegible]

В «дипломатические обя-[illegible] в Лондоне и Вашингтоне, входит и шпионаж. Джонстон упоминает о военном атташе генерале Хилтоне, том самом, который, надев овчинный тулуп, отправился на окраину Москвы фотографировать один из заводов. Дневник Гроу пестрит записями о том, как он в Москве и окрестностях, на дорогах и в городах СССР выискивал цели и объекты для будущих бомбардировок. Он рыскал по нашей стране, чтобы возможно скорее развязать тотальную войну, в которой «все средства хороши». Мы должны понять, что в этой войне не будет нечестным нанести удар ниже пояса». Гроу торопит войну. «Начать войну как можно скорее! Немедленно!» — пишет он. Как истый «бизнесмен от войны», он озабочен и тем, чтобы заранее поделить добычу: «Я настаиваю на необходимости проведения мероприятий по подготовке к тому периоду, который наступит после предстоящей войны». Что это за мероприятия, откровенно говорил другой американский дипломат в присутствии Джонстона: «Я хотел бы отхватить себе место директора Днепрогэса. Черт побери! Я бы мог много дать и много взять, занимаясь этим делом!..»

Захватить СССР, его богатства, поработить советский народ — вот о чем по-прежнему мечтают империалисты США и Англии, планируя войну и поручая своим дипломатам активно готовить выполнение их планов. По этим замыслам наносят удар книги Р. Сквайрса и А. Джонстона, срывая маски с поджигателей войны, разоблачая их козни. «Голос долга и чувство любви к родине, которые некогда вели меня в бой против фашизма, говорят мне: «Борись за мир сегодня, ибо потом будет поздно!» — обращается к своим соотечественникам, ко всем читателям Р. Сквайрс.

«Не уступайте поджигателям войны последнее слово! Последнее слово должно остаться за нами, и это слово — «МИР»,— так заканчивает свою книгу А. Джонстон.

М. ГУС

Арчибальд Джонстон. Во имя мира. Перевод с английского. Издание «Литературной газеты». М. 1952. 154 стр.

Ричард Сквайрс. Дорога войны. Записки английского офицера. Перевод с немецкого. Издание «Литературной газеты». М. 1952. 166 стр.

На наших вкладках

В мае текущего года исполняется девяносто пять лет со дня смерти одного из замечательнейших русских портретистов, В. А. Тропинина (1776—1857). Будущий художник был крепостным графской семьи Морковых. Исключительные способности юноши обратили на себя внимание графа, который определил его в Академию художеств, но все же не дал закончить курса обучения. Впоследствии Тропинин вынужден был восполнять пробелы своего художественного образования самостоятельно, урывками, так как от занятий живописью его постоянно отвлекали разнообразные и утомительные обязанности крепостного слуги. Но даже в этих тяжелых условиях художник продолжал упорно работать, постепенно приобрел широкую известность своими портретами, и, когда наконец на сорок восьмом году жизни ему удалось получить вольную, он уже через год был избран академиком. Тропинин поселился в Москве, и наиболее плодотворный период его творчества связан с Москвой.

«Я мало учился, — говорил о себе художник, — хотя очень усердно занимался в академии, но научился в Малороссии; я там без отдыха писал с натуры, и эти мои работы, кажется, лучше из всех до сих пор мною писанных. Лучший учитель — природа; нужно предаться ей всею душой, любить ее всем сердцем... Я всем обязан природе». Для творчества Тропинина-портретиста (а из трех тысяч созданных им работ большую часть составляют именно портреты) характерны жизненность, простота, способность глубоко понять и проникновенно передать душевный склад и индивидуальные особенности человека. Художнику чужда парадность в портрете, он предпочитает скромную обстановку, сдержанную цветовую гамму. «Он не поправляет природу и не приукрашивает ее искусственным освещением и эффектами, — пишет о нем один из его современников, — но передает со всевозможной тщательностью все малейшие, почти неуловимые особенности лица изображаемого человека...»

Особенной теплотой и задушевностью отмечены тропининские портреты людей из народа. К ним он обращался часто и охотно. Тропинин решал их совершенно своеобразно — как сценки, выхваченные из жизни, подсмотренные в окружающей действительности. Он показывает людей за работой, в привычной обстановке, за обычным их делом. К числу лучших таких картин относятся известные «Кружевница» и «Золотошвейка», изображающие простых, вероятно, крепостных девушек. Таким портретам обычно предшествовали зарисовки с натуры, живые наброски деревенской, а в позднейший период творчества художника городской жизни.

В. А. Тропинин (1776—1857). ПОРТРЕТ КРАШЕНИННИКОВА. 1824 ГОД.

Молотовская художественная галерея.

В. А. Тропинин (1776—1857). ЗОЛОТОШВЕЙКА. 1826 ГОД.

Государственная Третьяковская галерея

Встречи

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА,
народная артистка СССР

Фото М. Сахарова и В. Степанова

Е. П. Пешкова, О. Л. Книппер, А. М. Горький
Снимок сделан на сцене Художественного театра в 1900 году.

Прошло пятьдесят лет с тех пор, как на сцене Московского Художественного театра впервые была поставлена пьеса М. Горького «Мещане». Премьера эта начинает сценическую историю пьес великого писателя. С тех пор творчество Горького неразрывно связано с этим лучшим театром мира, с гордостью носящим имя Горького.

Наш корреспондент обратился к одной из старейших актрис и основательниц Художественного театра, исполнявшей роль Елены в первом спектакле «Мещане»,— народной артистке СССР О. Л. Книппер-Чеховой — с просьбой поделиться своими [redacted] о зарождении дружбы писателя с театром.

Весна 1900 года. Молодой Московский Художественный театр едет в Ялту, в гости к Чехову. Больному писателю артисты везут подарок — постановки пьес Антона Павловича «Чайка» и «Дядя Ваня».

Несмотря на почти постоянную оторванность от Художественного театра, Чехов всегда считал себя членом его коллектива, заботился о его репертуаре, горячо интересовался подробностями каждой постановки. «Всех лучших писателей я подбиваю писать пьесы для Художественного театра. Горький уже написал»,— сообщил он мне в одном из писем. В Ялте во время нашего приезда Чехов и свел Горького с Художественным театром.

Помню, мы сидели в кабинете только что отстроенного ялтинского дома Чехова и целый вечер слушали рассказы Горького об его скитаниях по Крыму и Кавказу. Чем-то новым, свежим веяло от него, молодого, большого, сильного. Необычен был его внешний вид в живописной рубашке-косоворотке, сапогах, с характерным жестом — всей своей большой дланью он отбрасывал пряди волос со лба и закидывал голову. Его манера говорить, голос, интонации всегда захватывали слушателей. Поэтому, хотя все без исключения знали его рассказ «Мой спутник», где Алексей Максимович говорит о своих странствиях по югу России, мы слушали его, затаив дыхание, боясь проронить слово, проглядеть жест, не уловить интонацию, упустить своеобразную, неповторимую горьковскую мимику.

Мы очень сдружились с Горьким. Он ходил на все наши гастрольные спектакли, сидел на репетициях — заражался атмосферой театра.

Осенью того же года Алексей Максимович был в Москве. Дружба его с Художественным театром продолжалась. Мы готовили тогда «Снегурочку» Островского. Горький бывал на репетициях и лил слезы от умиления. Надо сказать, что у Горького была необыкновенная способность восторгаться, восхищаться тем, что ему нравилось. Вероятно, так же страстно он умел и ненавидеть, как радовался,— горячо и бурно.

В апреле 1902 года мы играли первую пьесу Горького, «Мещане». «Хозяин тот, кто трудится»,— впервые полным голосом сказал в ней автор.

Горький, в то время уже известный писатель, становился знаменем эпохи, знаменем надвигающейся революции. Поэтому, как только вышла его пьеса, не только мы, актеры, но и читатели и критики — все набросились на нее с жадностью, читали, перечитывали, спорили. Вокруг пьесы поднялся невообразимый шум.

Наш театр тогда находился на гастролях в Петербурге. В Москве в это время начинались студенческие беспорядки, и нам разрешили ставить «Мещан» только при условии устранения из пьесы всего, что может вызвать волнение в публике. Велено было учесть это при постановке. И начались сокращения. Некоторые, совершенно неизбежные купюры сделал наш театр. Но этого оказалось недостаточно: пьесу обкорнали цензоры, вымарывая фразы, звучащие с особенной политической остротой.

Приходя на репетицию, мы, актеры, ломали голову над тем, как связать воедино те жалкие обрывки, которые остались от наших ролей. Много времени затрачивалось на то, чтобы запомнить меняющийся от репетиции до репетиции текст. Подошла генеральная репетиция. Театр полон полиции. В зале блестит золото мундиров, в дверях, переодетые в форму капельдинеров, нелепо торчат здоровенные фигуры городовых.

После четвертого акта по настоянию публики балкона была отправлена поздравительная телеграмма автору. Впоследствии, когда зал заполнился понимающей прогрессивной молодежью, мы по слову, по фразе незаметно старались восстанавливать первоначальный горьковский текст.

Пьеса Горького сталкивает, противопоставляет два мировоззре-

← Сцена из спектакля «Мещане». Постановка 1902 года.
Петр — артист А. Харламов. Елена — О. Л. Книппер.

Сцена из спектакля «Мещане». Постановка 1902 года.
Нил — артист А. Вербицкий, Поля — артистка К. Ростовцева. →

«Главными фигурами являются — Нил и Поля. Они оба мало говорят — что поделаешь! — больше говорить им [redacted]

НИЛ — человек спокойно уверенный в своей силе и в своем праве перестраивать жизнь и все ее порядки по его, Нилову, разумению... Он, рабочий человек, знает, что жизнь тяжела, трагична; но все же — лучше ее нет ничего, а она должна и может быть исправлена, перестроена...

ПОЛЯ — скромна, проста и способна на всякое геройство без фраз, без рисовки. Полюбит — раз на всю жизнь, поверит — тоже».

М. Горький

«Мещане». Постановка 1950 года. Татьяна — артистка Е. Ханаева.

«Татьяна — хочет жить, но не имеет ни силы, ни смелости и убеждает себя, что жизнь — не хороша... Очень несчастна. Возбуждает однако не столько жалость и участие к ней, сколько... что-то другое, еще менее ценное».

М. Горький.

ния. Она должна была прозвучать как социальная драма. Но этого не получилось в нашем спектакле, и вот почему: Художественный театр приступил к постановке «Мещан» на раннем этапе своего развития, недостаточно еще понимая революционный смысл драматургии Горького, не прочитав и не сумев передать в спектакле общественно-политическое значение пьесы. Театр увлекла сочная бытовая сторона «Мещан», заслонившая идейное содержание. Одно из главных мест в спектакле занял Тетерев (Н. Баранов). Он и Перчихин, которого необыкновенно поэтично играл Артем, оказались в центре спектакля. Нила играл С. Судьбинин.

Когда Чехов узнал о распределении ролей, он писал: «Мне кажется, что вы, актеры, не поняли «Мещан». Лужскому нельзя играть Нила; это роль главная, героическая, она совсем по таланту Станиславского».

О том, что роль Нила главная, писал в театр и Алексей Максимович. Перепробовав несколько актеров, роль поручили Судьбинину, но и у него она не вышла. Причина, понятно, заключалась в том, что мы не понимали еще всего, что должен принести в театр и передать в зрительный зал этот герой — первый представитель рабочего класса в драматургии. Значение этой постановки для нашего театра было огромным.

Осенью 1902 года этой пьесой мы открыли сезон в новом здании нашего театра — теперешнем помещении МХАТ. И это было символично. Горький, как писал Станиславский, стал «...главным начинателем и создателем общественно-политической линии в нашем театре...»

В сентябре того же года Алексей Максимович в присутствии труппы, писателей Л. Андреева и С. Найденова и Федора Шаляпина читал нам свою новую пьесу «На дне».

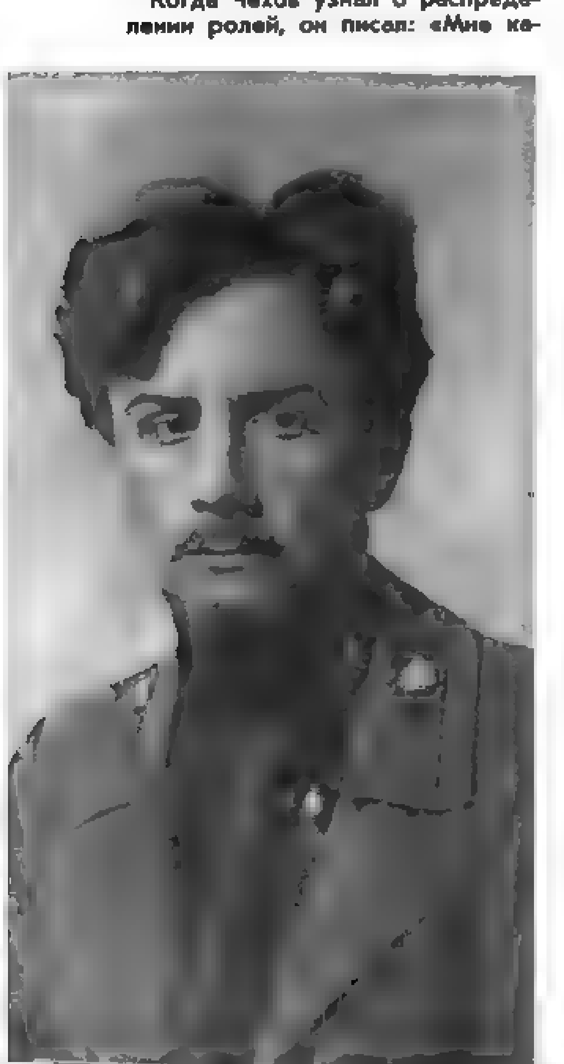
С тех пор произведения Горького не сходят со сцены нашего театра. Одна из последних работ МХАТ — новая постановка «Мещан».

Основные роли в спектакле «Мещане» играют сейчас молодые артисты — воспитанники школы-студии Художественного театра.

Постановку режиссеров И. Раевского и С. Блинникова характеризует глубокое проникновение в текст Горького, стремление раскрыть его общественно-философский смысл. В спектакле ясно противопоставлены два лагеря: душный, обреченный старый мир мещан и светлый, радостный мир новых людей. Этот новый мир — Нил и его друзья, с их ненавистью к собственничеству, с их любовью к творческому труду, верой в победу света и разума.

Глядя на Нила, которого играет молодой артист А. Вербицкий, и его единомышленников — Полю (К. Ростовцеву), Цветаеву (Е. Хромову), Шишкина (А. Покровского),— зритель не может не вспомнить вещие горьковские слова «Эти люди победят!..»

Вера в победу Нила и таких, как он, убежденность в том, что будущее принадлежит людям труда, хорошо переданы в спектакле, и это — главное достоинство постановки «Мещан», осуществленной нашей молодежью.

«Мещане». Постановка 1950 года. Шишкин — артист А. Покровский.

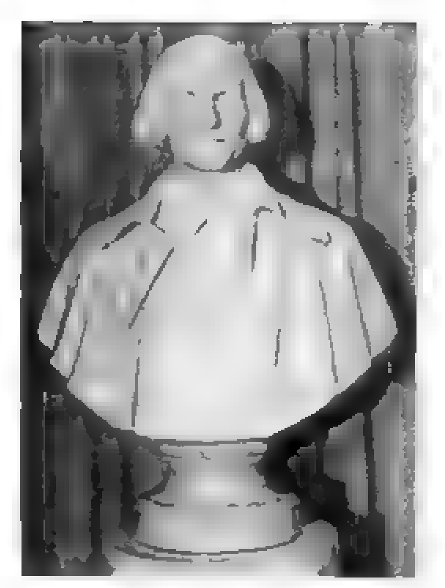
«Шишкин — славный парень. Простодушная оглобля эдакая. Что думает — то и говорит... движения — неуклюжи...»

М Горький.

ДОРОГИЕ ЧЕРТЫ

В искусстве есть очень важный раздел — портреты великих людей прошлого, людей, составляющих национальную гордость народа. Репродукции таких картин и скульптур вы встретите в любой школе.

Всесоюзная художественная выставка 1951 года порадовала нас несколькими интересными портретными работами, в первую очередь скульптурами Н. Томского и П. Мовчуна. Я помню, прежде Гоголя чаще всего изображали в угнетенном состоянии, как бы подавленным российской действительностью. Но ведь настоящий, живой Гоголь, автор веселых, жизнерадостных повестей, был другим. И этот облик писателя впервые появился в искусстве советских мастеров. Н. Томский очень хорошо передал главное в Н. В. Гоголе. Глядя на его скульптуру, ясно представляешь себе, что такой человек мог не только говорить беспощадную правду о помещичьей России, но и увлечься народной песней, вдохновенно рассказать о силе и удали родного народа.

Н. Томский. ПОРТРЕТ Н. В. ГОГОЛЯ

Большое впечатление производит и «В. Г. Белинский» П. Мовчуна, талантливого украинского скульптора. Привлекает романтизм этого образа. Перед нами уже больной, изможденный болезнью человек, но он полон такой внутренней силы, энергии, что невольно вспоминается, как называли его современники, — «неистовый Виссарион».

П. Мовчун. В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

А. МАЗИНА,
учительница 628-й школы имени А. Н. Островского. Москва.

Романсы Ю. А. Шапорина

Имя Ю. А. Шапорина, одного из представителей старшего поколения советских музыкантов, давно известно слушателям. Это автор монументальных произведений, получивших самое широкое признание: симфонии-кантаты «На поле Куликовом» и оратории «Сказание о битве за русскую землю», отмеченных Сталинскими премиями. Опера «Декабристы», музыка к многочисленным кинофильмам и драматическим спектаклям, камерная вокальная лирика — во всех этих жанрах и произведениях Шапорин выступает как большой и своеобразный художник, талантливо и смело развивающий лучшие традиции русской классической музыки.

Романсы Шапорина на тексты Пушкина (лучший из них «Заклинание»), Лермонтова, Блока — замечательные образцы советской камерно-вокальной лирики. Привлекает проникновенность их художественных образов, тонкость, изящество музыкального рисунка, органическая близость к музыкальному языку русского песенного искусства.

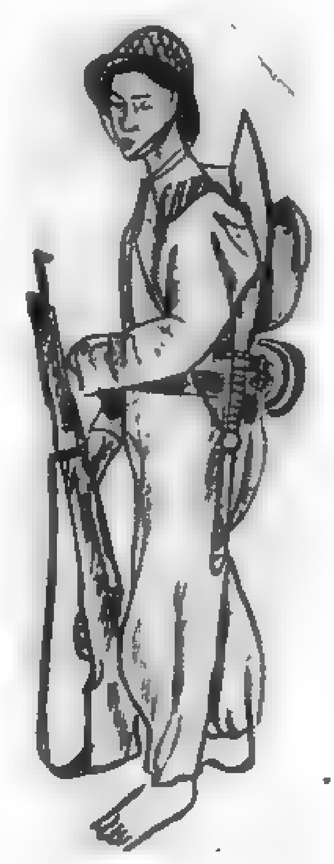
Глубина содержания, народность музыкальной речи, простота и вместе с тем выразительность художественных средств — эти качества в полной мере свойственны романсовому творчеству Ю. Шапорина, в третий раз удостоенного Сталинской премии.

Композитор Ю. А. Шапорин.
Фото А. Горнштейна

С. КОРЕВ

ХУДОЖНИКИ ВЬЕТНАМА

Дуонг Бих Лиен. «Партизан»

На Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине делегаты с интересом рассматривали скромные одноцветные открытки: юноша в военном снаряжении, рабочие в походной мастерской, женщины за полевыми работами, крестьянские хижины, тонущие в густой тропической зелени. Эти рисунки и гравюры художников далекого Вьетнама говорили о борьбе свободолюбивого народа, о той новой жизни, которую начал он строить на освобожденной земле. Зрителей привлекали искренность и тонкое своеобразное мастерство исполнения.

На рисунке Дуонга Бих Лиена молодой стройный воин в шлеме из листьев и с винтовкой в руках. В живом и непринужденном наброске с натуры «Партизан» перед нами как бы образ всего народа, вставшего на защиту национальной независимости.

Любовь, которой окружена народная армия, постоянно находит отражение в работах художников; ее дела и досуг — любимая тема их рисунков. Кроме набросков, портретов, много зарисовок посвящено той помощи, которую оказывают бойцы крестьянам; недаром поют здесь, что солдаты и народ дружат, как рыба с водой. Некоторые картинки иллюстрируют популярные народные песенки. Вот тема одной из них. О мулах надо хорошо заботиться, потому что они перевозят пушки. «Достаточно ли моему маленькому братишке еды?» — спрашивает солдат у своего четвероногого приятеля в смешном, шаржированном рисунке Куина Ван Туана.

Широко распространяются во Вьетнаме агитационные картинки-плакаты. Чаще всего они выполняются в технике гравюры по дереву и сопровождаются пояснительными надписями. Перед нами лист художника Та Тук Бина «Полевые работы»: девушка несет на специальном коромысле собранный рис, другая ухаживает за тутовым деревом. Простая жанровая картинка говорит о развернувшейся в молодой республике борьбе за урожай. На освобожденных от колонизаторов землях Северного Вьетнама испокон веков выращивался только один урожай. Но крестьяне сейчас снимают с тех же полей по два урожая риса и отвоевывают все новые участки земли у тропического леса. Борьбе за урожай и посвящена эта работа художника, по смыслу и по манере исполнения напоминающая китайские лубки.

Сходство с китайской гравюрой не случайно. Искусство Вьетнама проходит тот же путь, по которому шло искусство Китая, ставшее активным участником жизни народа.

Много нового появилось на территории демократической республики. Несмотря на непрекращающуюся национально-освободительную войну, развивается промышленность, растет культурный уровень. Еще совсем недавно девять десятых населения было неграмотно, а теперь есть районы, где каждый умеет читать и писать. Очевидцы рассказывают, что в одном из городков Севера при входе на рынок сооружено двое ворот: широкие и большие — для грамотных, узкие и маленькие — для неграмотных, которые называются «воротами невежества». Прямо за ними расположилась школа. Все меньше людей проходит через них, и недалек тот час, когда «ворота невежества» будут снесены.

Много времени уделяется учебе и в армии. Художник Нгуен До Гунг заглянул на один из таких уроков и зарисовал серьезные, сосредоточенные лица бойцов, склонившихся над бумагой. Они учатся, чтобы строить новую жизнь на родной земле, которую освобождают своими руками.

«Демократическая Республика Вьетнам — Независимость — Свобода — Счастье!» — под этим лозунгом сражается народ далекой страны, и этот же призыв стал лозунгом вьетнамских художников, выражением их стремлений и чувств.

И. ГРИНЕВ

Нгуен До Гунг. «За учебой».

Giám mã đến vỗ lưa thô
Chú ăn như thế đã no chưa nào
Lưa tho cất mõn lên cao
Vênh tai đưa cổ cọ vào người anh

Куин Ван Туан. «Солдат и мул». Иллюстрация к народной песенке.

Та Тук Бин «Полевые работы».

ЗВЕЗДНЫ

Бывший партизан Леонид Афанасьевич Уваров показывает участникам похода место, где партизаны в жаркой битве нанесли большой урон противнику.

Маленькая горная речушка Сухая Альма весной непроходима. Перебраться на противоположный берег можно лишь по случайно попавшемуся согнутому дереву. Переправа выглядит не очень надежной, но что поделаешь!

Фото О. КНОРРИНГА

На шоссейных дорогах и горных тропинках Крыма, в Никитском ботаническом саду и домике Чехова, в Симеизской обсерватории, на Мангуп-Кале, в Сюреньской пещере, стоянке первобытного человека, и в Крымском заповеднике — где только нельзя было встретить в дни весенних каникул ребят с рюкзаками за плечами!

Одни выходили в поход в первый день каникул, другие несколько позже.

...Утро было безнадежно пасмурное. Но юных туристов Белогорского детского дома мало интересует прогноз погоды. Одетые в синие лыжные брюки и черные, морского покроя бушлаты, с рюкзаками за плечами, с лопатками и топорами в чехлах, с альпенштоками, сделанными собственноручно, они выглядят бывалыми туристами, для которых не существуют слова «плохая погода».

По команде начальника отряда Нины Романовой туристы садятся в машину. Как только она трогается с места, ребята начинают засыпать вопросами Михаила Александровича Саханского и Леонида Афанасьевича Уварова, которые поведут ребят по следам партизанских боев. Корреспондент отряда Рая Гладышева тут же, в машине, уже пытается что-то записать в свой блокнот.

На машине должны туристы доехать до границы Крымского заповедника, овеянного славой партизанских сражений. Но шофер начинает сбавлять скорость и сокрушенно вздыхает: «Вряд ли мы доедем до заповедника. Здесь такая дорога, а что дальше?.. Ни пройти, ни проехать».

Бурное весеннее таяние сделало горные речушки непроходимыми, и туристам пришлось оставить машину и отправиться дальше пеш[illegible]

Земля сырая, вязкая. Идти трудно. Никто не заметил, как исчез Михаил Александрович Саханский. Когда об этом сказали Уварову, он, улыбнувшись, объяснил:

— Вы же знаете, что Саханский в партизанском отряде был разведчиком. Раз его нет, — значит, отправился в разведку. Думаю, что он переправу ищет.

Появился Саханский так же незаметно, как и исчез, точно из воды вынырнул.

— Вот что, — сказал он туристам, — раньше здесь недалеко была переправа, сейчас ее нет. Видимо, смыло. Придется нам удлинить путь, но зато мы пойдем по партизанским тропам. Согласны?

Ну кто в тринадцать — четырнадцать лет не придет в восторг от слов «партизанские тропы»?!

И мы пошли вверх по Альме, не по дороге, обыкновенной, разъезженной дороге, а по тропинкам, известным одним лишь партизанам.

Небо как будто посветлело. Больше всех обрадовался фотокорреспондент отряда Коля Коптев: наконец он получил возможность приступить к исполнению своих прямых обязанностей.

Крымский заповедник, расположенный в центре горно-лесной части, занимает около тридцати тысяч гектаров. Через заповедник проходят самые высокие горы. Северный и южный склоны покрыты лесами. Здесь растут дуб, крымская сосна, тисс, бук, ясень, клен, береза. Заповедник населяют благородный крымский олень, косули, муфлоны, забирающиеся на недосягаемые скалы, белка-телеутка.

Первый привал устроили у места слияния Альмы с Сухой Альмой. Поставили палатки.

— Ну, ребята, — сказал Саханский, — хотите, я вам покажу, как мы складывали костры?

Предложение это, конечно, всем пришлось по душе. Ребята плотным кольцом окружили Саханского. Удивительно быстрыми, почти неуловимыми движениями наколов щепочки и сложив их маленькой кучкой, Саханский стал сооружать из сучьев нечто вроде шалаша. Одна-единственная спичка понадобилась, чтобы костер тут же запылал.

Завхоз отряда Витя Крылов раздал ребятам вареные яйца, хлеб, масло, сахар.

Пользуясь привалом, санинструкторы отряда — Лена Глобина и Алла Сочинская — проверили, не потерты ли у ребят ноги. У всех ноги оказались в полном порядке.

Только начали снимать палатки, как пошел дождь. Ребята накрылись палаточным брезентом, поддерживая его руками над головами. Фотокорреспондент отряда тут же попытался запечатлеть смеющиеся лица, выглядывающие из-под брезента.

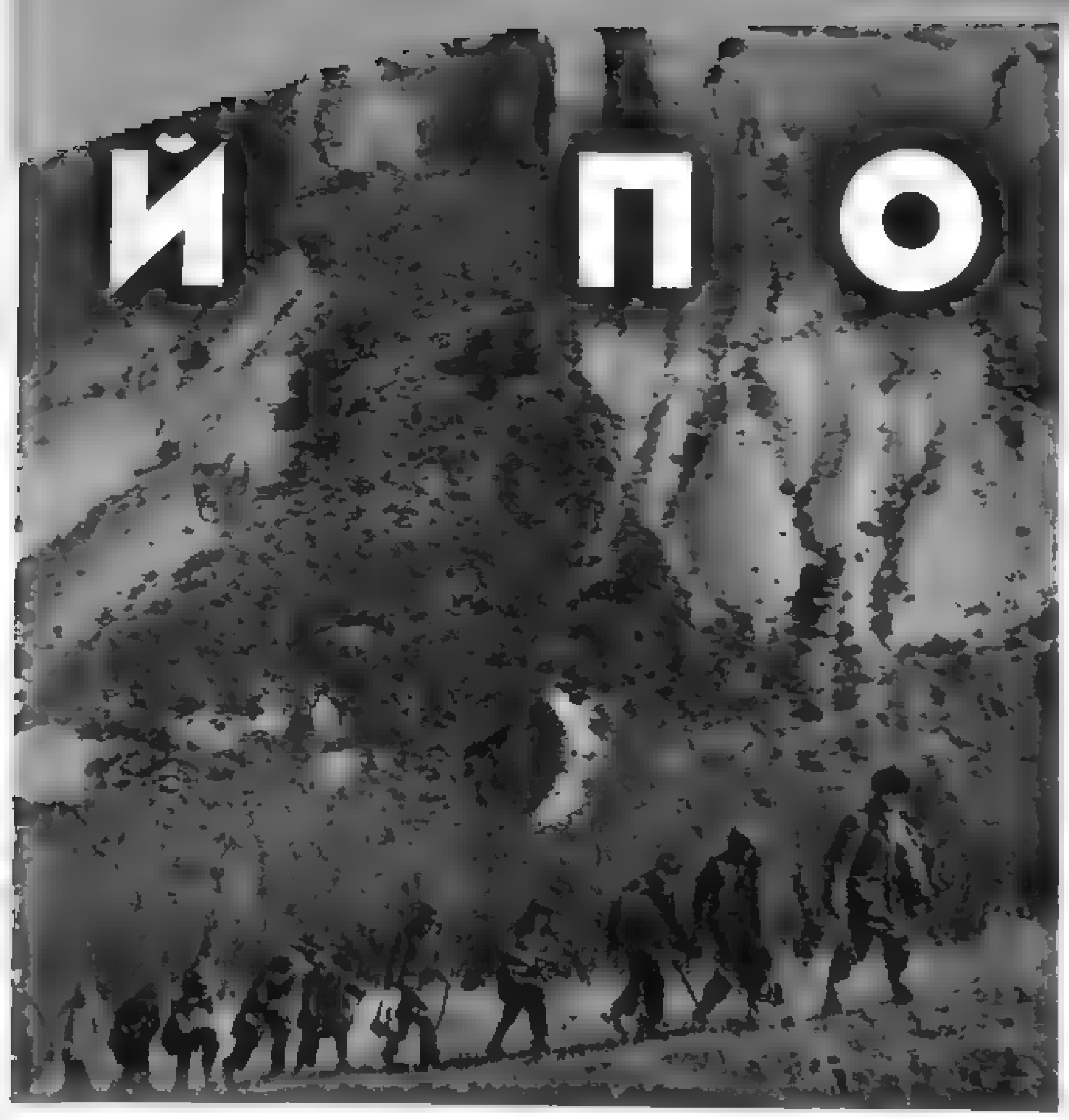
Но вот дождь прекратился, и туристы снова тронулись в путь. Скоро мы дошли до импровизированного мостика, сделанного из притянутого к воде дерева. Висячий «мост» показался не очень удобным, но это была единственная возможность очутиться на противоположном берегу, где находилась конечная цель нашего путешествия.

...Ландшафт резко меняется. Узкая тропа

Последний привал. Два дня провели туристы в Ялте. Они осмотрели город, ознакомились с его историей, посетили домик А. П. Чехова.

Й ПОХОД

Над Каралезской долиной высится большая гора с четырьмя выступами, обращенными на север. Туристы 14-й симферопольской школы поднимаются в гору

Воздух здесь необыкновенно свеж и чист. Бельбекская долина покрыта дымкой тумана. Все же она очень красива. Так интересно наблюдать за ней с большой высоты!.

все время ведет вверх. Воздух заметно посвежел, запахло весенним талым снегом. Все круче и круче подъем.

Скоро добираемся до первых двух шалашей.

— Партизанская застава, — объясняет Уваров. — Вся остальная часть отряда находилась еще выше. А за водой приходилось спускаться к реке, — добавляет он.

Наконец мы на вершине. Здесь все бело от снега, чернеют лишь шалаши и стволы деревьев. Скользко. Под снегом вода. Ребята впервые видят место стоянки партизанского отряда, и это их глубоко захватывает.

У дерева (видимо, служившего местом наблюдения) мы обнаружили потемневшую от времени и ненастья лестницу.

В годы Великой Отечественной войны территория заповедника превратилась в арену партизанской борьбы. Ожесточенные бои происходили в районе урочища «Бузинов фонтан», на склонах горы Черной и в других местах.

Коля Коптев сделал здесь много интересных снимков, Рая Гладышева записала рассказ о действиях крымских партизан в районе заповедника.

Обратный путь. Все немного устали, хочется пить. Но настроение превосходное. Уваров и Саханский учат ребят перекликаться птичьими голосами, разбираться в лесных приметах.

Привал. Веселая трапеза. У костра все вкусно: и вареные яйца без соли, и огромные ломти помятого хлеба, намазанные маслом, и мутный чай, припахивающий дымком...

До деревни Бешуй, где осталась машина, мы добрались уже в абсолютной темноте. Устали все, конечно, сильно, но, когда уселись в машину, ребята дружно запели песню.

...Группа ребят четырнадцатой симферопольской школы отправилась в район Бахчисарая, где сохранился интереснейший памятник глубокой древности — пещерный город Мангуп-Кале. Ученики сорок шестой школы побывали в сталактитовой пещере Кизыл-Коба, на живописной речке Салгир, в Змеином гроте.

Севастопольские школьники отправились в трехдневный поход по маршруту: Севастополь — Ялта. За первый день похода юные туристы прошли восемнадцать километров. В Балаклаву ребята пришли к часу дня. Повара отрядов быстро приготовили обед. После обеда участники похода отправились осматривать развалины генуэзских крепостных сооружений

За второй день похода юные туристы прошли уже двадцать три километра до селения Орлиное. На здании школы ребята увидели плакат: «Привет участникам похода!»

Здесь, на вечере встречи с колхозниками сельскохозяйственной артели «Красный Октябрь», участница похода ученица 10-го класса Валя Рундаева сделала доклад на тему: «Севастополь — город русской славы». Председатель колхоза тов. Гончарев рассказал о трудовых буднях колхоза. Закончился вечер совместным концертом самодеятельности.

Третий день похода был самым трудным для ребят. В пути их настиг сильный дождь. Все основательно вымокли. Но даже самым маленьким участникам похода — 12-летним Игорю Колбину и Наташе Крутовой — это не испортило настроения.

В Ялту ребята вошли туристской цепочкой. Приятно было смотреть на счастливые, покрытые первым весенним загаром лица юных участников звездного похода крымских школьников.

М. СМЕЛЯНСКАЯ

Ученики седьмого класса 15-й севастопольской школы Вова Пономаренко, Толя Михайленко и Юра Утехин в пути. День выдался теплый, солнце слепит глаза.

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОГО ФОТОИСКУССТВА

А. О. Карелин.

Большая роль, которая в наши дни принадлежит фотографии, давно уже ставшей искусством, вызывает живой интерес к ее истории. Уже известно, что первые русские фотографы XIX века пользовались горячей поддержкой крупнейших русских художников, предсказывавших фотографии блестящее будущее. Об интересных страницах истории русской фотографии рассказывает ленинградский мастер С. Иванов. Статью сопровождают фотографии А. О. Карелина.

На снимках внизу: слева — «ПОДАЯНИЕ», справа — «БРОДЯЧИЕ ПЕВЦЫ».

В конце прошлого века на Всемирной выставке в Шотландии был объявлен конкурс на лучшую художественную фотографию. Из шести тысяч представленных работ жюри выбрало две, в отношении которых мнения разделились примерно поровну. Был брошен жребий между предполагаемыми кандидатами. Но когда вскрыли конверты с девизами, обнаружилось, что обе вызывавшие спор работы принадлежат одному автору — русскому фотографу А. О. Карелину, которому и была присуждена единственная премия — Золотая медаль. Это была вторая международная награда мастеру, завоевавшему еще на Парижской выставке 1878 года Большую серебряную медаль.

«Своими высокохудожественными снимками,— писалось в русской прессе,— Карелин привлек внимание не только русских знатоков художества, но был оценен по достоинству и на всемирных выставках. Он доказал всему свету своими... композициями, что художество и фотография стоят в самой близкой непосредственной связи».

Сын бедной крестьянки, Карелин родился в 1837 году. С семи-

летнего возраста он пас коней. Однажды в село, где жили Карелины, приехал иконописец. Андрей отпросился у матери в ученье к нему. Трудолюбивый и настойчивый, юноша в конце концов в 1856 году попал в число учащихся Академии художеств.

Время академической учебы Карелина было очень знаменательным. В те годы в стенах Академии занимались будущие передвижники — Крамской, Чистяков. Вместе с Крамским Карелин зарабатывал на жизнь, занимаясь фотографической ретушью. В 1863 году он получает две серебряные медали — за этюд и за рисунок с натуры. 29 октября 1864 года ему был вручен аттестат академии и присвоено звание свободного художника.

Состояние здоровья вскоре заставило художника покинуть Петербург. Он поселился в Костроме, где выполнял различные живописные заказы, а позже переехал в Нижний Новгород. Здесь он открыл в 1869 году фотографию и организовал бесплатную школу рисования, живописи и фотографии. В обоих начинаниях ему помогала жена, О. Г. Лермонтова, способная художница, окончившая Московскую школу живописи и ваяния.

У Карелиных завязываются широкие знакомства среди писателей и художников, их дом посещают Репин, К. Маковский, Верещагин, Шишкин, Короленко, Горький. Возникает дружба Карелина с Д. И. Менделеевым, портрет которого художник выполняет.

В 1876 году Карелин отсылает на выставку в Академию художеств три живописных этюда с натуры и женский портрет. Несколько позже он представляет в Академический совет свои фотографические произведения, исполненные новым способом.

Рассмотрев эти работы, совет возбудил ходатайство о присвоении Карелину звания «фотографа Академии Художеств» за изобретение особого способа фотографии, позволяющего «передавать перспективу и размещать фигуры в разных планах».

В архивах Ленинграда хранится переписка, показывающая всю значительность деятельности Карелина. Найдена записка Карелина вице-президенту академии графу И. И. Толстому, в которой художник просит принять его школу под покровительство Академии художеств. Он утверждает при этом, что если бы, кроме его школы, в ведение Академии художеств был принят и Нижегородский художественный музей (который организовал его сын Андрей Карелин), то многие ценности были бы спасены от участи самохода, изобретенного знаменитым механиком-самоучкой Иваном Петровичем Кулибиным. Модель самохода была пожертвована городу, хранилась в здании думы, но, как сообщает Карелин, «по постановлению Думы была разломана на дрова и сожжена». Академия художеств, запросив Карелина о плане и программах школы, составе учащихся, все же отказала в поддержке.

Из переписки Карелина установлено, что в его школе курс перспективы, а также рисование с геометрических фигур и орнаментов преподавал академик архитектуры Л. В. Даль. Преподавали и сам Карелин и его дочь Татьяна.

Художественные взгляды Карелина формировались непосредственно под влиянием идей передовой художественной интеллигенции. Тяготение к бытовому жанру, к разнообразным социальным темам, характерное для работ Федотова, Перова и многих других передовых художников того времени, отмечается и в работах Карелина. Бытовой жанр требовал не ограничиваться съемкой в павильоне, с его ограниченными световыми возможностями, а выйти на улицу, на воздух, к солнцу. И мы видим в композициях Карелина невиданные ранее эффекты световых контрастов, богатый фон. Смело пользуясь светом, художник очень продуманно располагал фигуры.

Это было подлинное новаторство. Недаром в периодической прессе того времени справедливо отмечалось: «России принадлежит честь введения в фотографию композиции, столь блестящим образом представленной Карелиным».

Фотограф С. ИВАНОВ

Портрет девушки.

Карелин в семейном кругу.

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

«Самоходные утки»

— Дяденьки, не стреляйте! Это мои чучела!

На звонкий мальчишеский голос, раздавшийся на другом берегу озера, из камышей поднялись двое: пожилой толстяк и юноша.

Над водой стлался синеватый дымок от только что отгремевших дуплетов. Шагах в тридцати от берега спокойно продолжали плыть три кряквы и чирок. Пока охотники приходили в себя от удивления, мальчуган, закинув старенькую одностволку за спину, столкнул лодку в воду и, оттребаясь веслом-лопатой, поплыл к уткам. Бесцеремонно схватил чирка и бросил в лодку. Кряквы метнулись было в сторону, но, остановленные веслом, разделили участь чирка.

— Почему же они у тебя плавали? Заводные, что ли?— удивленно спросил старший охотник, когда лодка с мальчиком оказалась шагах в десяти от него.

Мальчуган, довольный, улыбнулся:

— Правда, похожи на настоящих? Я к чучелам привязал по живому окуню, и они их таскали за собой.

Мальчуган поднял одну из деревянных крякв. Под ней на бечевке трепыхался окунишка.

К разговаривающим подошел еще один охотник. Узнав, в чем дело, он от души расхохотался.

— Саше, — показал он на юношу, — еще простительно, а вот как ты, старый утятник, опростоволосился? Сколько патронов по деревяшкам выпалил? Но действительно хитро придумано. Молодец! — похвалил он мальчика.

— Не совсем хорошо, дяденьки! — возразил тот. — Я рассчитывал, что чучела будут крутиться около шалаша, а они поплыли и поплыли...

— Забавно! А что если мы эту выдумку усовершенствуем? Свяжем твоих манков во флотилию и будем таскать на шпагате по озеру. У меня в сумке есть клубок суровых ниток.

— Что же они, Илья Петрович, в затылок друг другу будут плавать? — заинтересовался молодой. — Неестественно.

— Пустяки! Двум мы пристроим носые рули, как у баржи, когда ее тянут на лямках, и утки поплывут табуном.

Через полчаса все было готово.

— Садись в лодку и тяни бечеву к своему шалашу! Там привяжешь, а потом назад, за другим концом! — продолжал распоряжаться Илья Петрович. — Ты, Саша, тоже поезжай с ним! Сделаешь себе шалаш метров на пятьдесят правее его шалаша. А мы по этому берегу поставим два шалаша. Так сказать, возьмем озеро в окружение...

Однако затея чуть-чуть не сорвалась: мальчик возвратился с крохотным клубочком оставшихся ниток. Следовательно, перетянуть стаю через озеро еще можно было, а назад — ниток не хватало.

— Экая незадача! — сокрушенно вздохнул Илья Петрович, поглядывая на готовые к плаванью чучела.

Его пожилой компаньон ехидно улыбнулся:

— А джемпер?

— Что джемпер?— не понял Илья Петрович.

— Распустить можно. Не весь, хотя бы половину! — утешил он.

— Мне жена голову снимет. Она сама его вязала, — попробовал защищаться владелец джемпера.

— Жене можешь сказать, что, мол, лез через кусты, зацепился и, пока заметил, половина распустилась.

Джемпера было жаль, но возвращаться с пустыми руками не хотелось. Илья Петрович еще раз тяжело вздохнул и, расстегнув пиджак, решительно сказал:

— Распускайте!

Когда джемпер «сократился» вдвое, флотилия отправилась в первый рейс. За ней тянулась добротная шерстяная нитка. Птицы плыли, как живые. Приближаясь к шалашу мальчугана, они повернули обратно, к шалашу Ильи Петровича. Первая же перелетная утиная стая, завидев сородичей, снизилась, прошла бреющим полетом, по крутой кривой завернула к озеру и, вспенивая с разлета водную гладь, совершила посадку...

Бух! Бах! Ба-бах! Бух-бах!

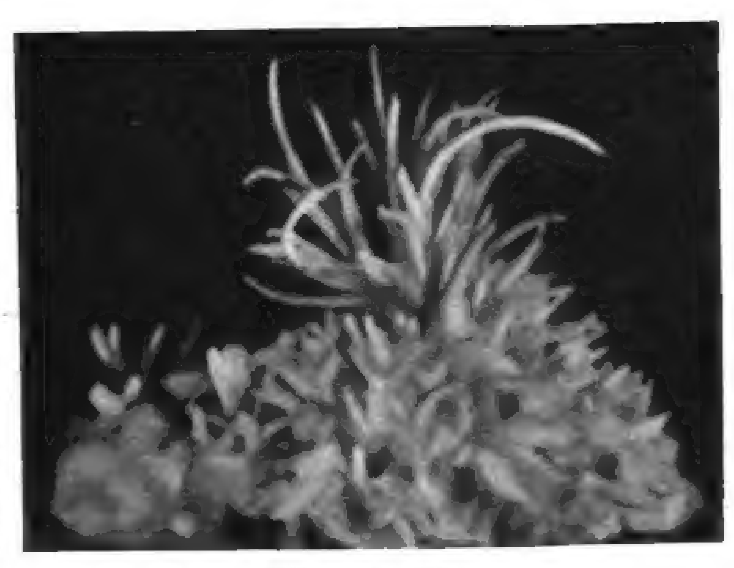
За первыми утками прилетали другие, третьи...

Поздно вечером три охотника простились с мальчиком. У каждого из них болталось на поясе по нескольку тушек, а у мальчугана больше всех.

— Так-то, молодой человек! — сказал на прощанье Илья Петрович. — Один ум хорошо, а четыре куда лучше! Ну, а тебе спасибо за сметку...

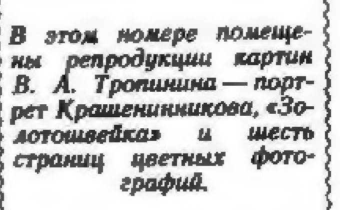
А. ВЕЛИКАНОВ

Мячково,
Горьковской области.

«Железные цветы».

Фото Ю. Доброправова

В этом номере помещены репродукции картин В. А. Тропинина — портрет Крашенинникова, «Золотошвейка» и шесть страниц цветных фотографий.

Каменный цветок

Под стеклом витрины Уральского геологического музея Свердловского горного института среди других экспонатов лежат чудесные белые каменные цветы, похожие на хризантемы. Смотришь на них — и думаешь: какая тонкая работа! Наверно, прекрасный мастер, знаток своего дела, трудился над ними долго, может быть, даже не один год! Невольно вспоминается поэтический сказ П. П. Бажова о каменном цветке, изваянном в гротах Хозяйки Медной горы...

Но каменные хризантемы не творение человека. Их «вырастила» сама природа. Это арагонит, или «железные цветы». Они найдены на стенках пустот, в буром железняке одного из уральских месторождений.

Н. РОЗИНА

Иностранный юмор

ИНКОГНИТО

Франко решил провести несколько недель за городом, соблюдая полное инкогнито. Однажды в одной деревне он зашел к парикмахеру и спросил его:

— Ты знаешь, кто я?

— Нет, — ответил парикмахер.

— Тогда побрей меня, — сказал диктатор, садясь в кресло.

НОВАЯ ГРАНИЦА

Турок, читая газету, сказал:

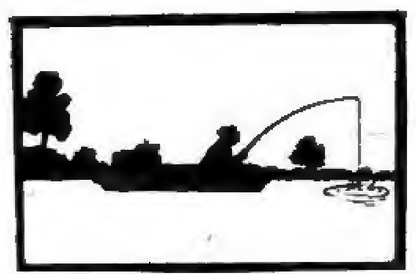
— Как видно, наша страна очень расширяется.

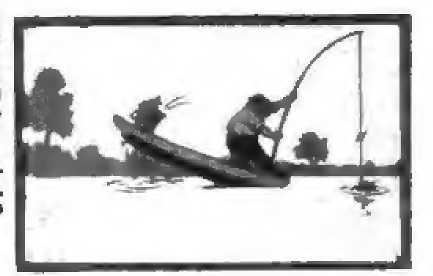
— Почему?—спросил сосед.

— Ну как же: прибавилась новая линия обороны в Бирме.

«Шпильки»

ГДЕ ТОНКО, ТАМ И РВЕТСЯ

Рисунки Г. Малакова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Бесцветная ядовитая жидкость. 6. Прямая, делящая угол пополам. 12. Областной город в РСФСР. 13. Специальность ученого. 15. Планета. 16. Теплица. 17. Физические упражнения, игры и состязания. 19. Пряность. 20. Французский писатель. 21. Пьеса М. Горького. 23. Толстая, твердая бумага. 24. Французский писатель, лауреат Сталинской премии. 25. Стремительное нападение. 26. Порода малорослых лошадей. 27. Растение с желтыми цветами. 30. Государство в Азии. 31. Обеспечение от возможного ущерба. 34. Советский писатель.

По вертикали:

1. Столица Индии. 2. Минерал, гидрат окиси алюминия. 3. Вещество, вырабатываемое железами. 4. Вид спорта. 7. Сладкое блюдо. 8. Устроитель. 9. Отдел геометрии. 10. Птица. 11. Советская писательница. 13. Советский педагог, писатель. 14. Деревянистое растение 17. Остров в Эгейском море. 18. Переливчатый, дрожащий звук. 22. Персонаж оперы Россиния «Севильский цирюльник». 28. Роман китайского писателя Чжоу Ли-бо, лауреата Сталинской премии. 29. Великий советский летчик. 32. Американский писатель. 33. Город и река в Сибири.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

3. «Брдзола». 6. Победа. 7. Тантал. 11. Газета. 12. Прения. 13. Радио. 15. Курсив. 17. Контур. 20. Бородин. 21. Наряд. 23. Каток. 27. Попов. 28. Жаров. 30. Антенна 34. Колер. 35. Кефир. 36. «Арион». 39. Ветка. 40. Тираж. 41. Малиновка.

По вертикали:

1. «Правда». 2. Плакат. 4. Номер. 5. Манет. 8. Макаров. 9. «Ведомости». 10. Линотип. 13. Рекорд. 14. Оттиск. 15. Каталог. 16. Идеал. 18. Отрог. 19. Рисунок. 22. Ягуар. 24. Аймак. 25. Почка. 26. Кадры. 29. Клише. 31. Тире. 32. Неон. 33. Афиша. 37. Океан. 38. Вилка.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

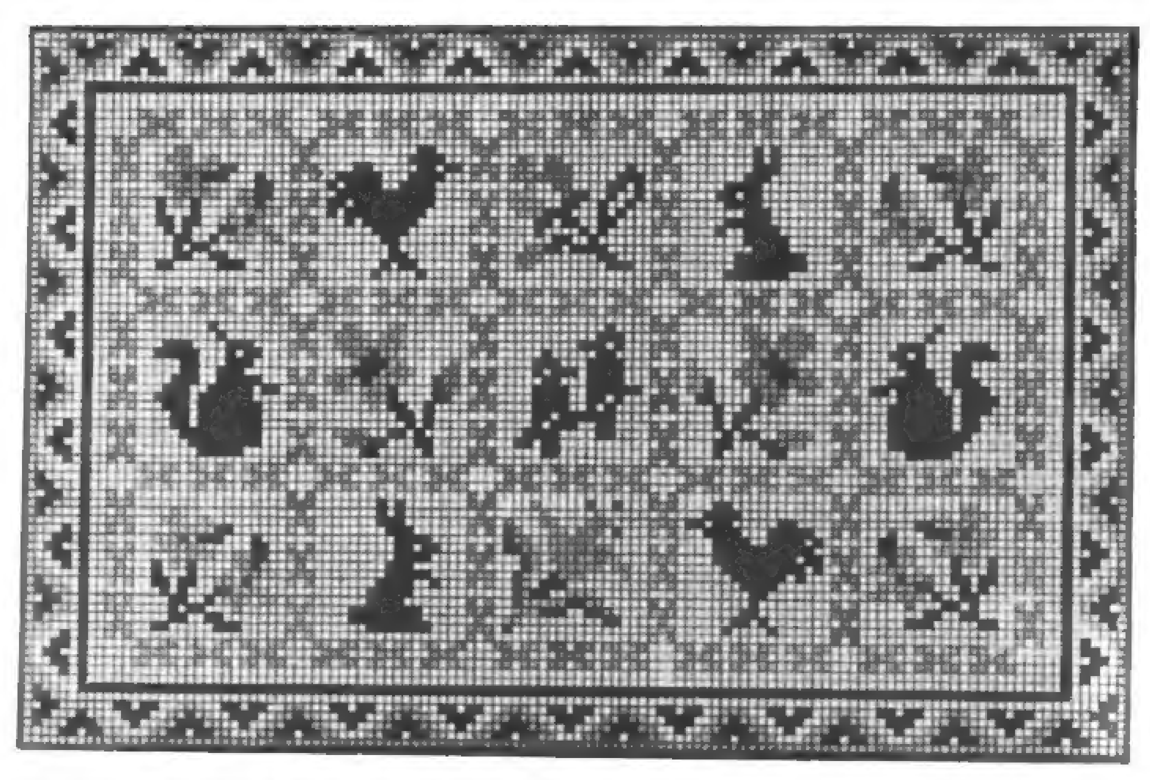
Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

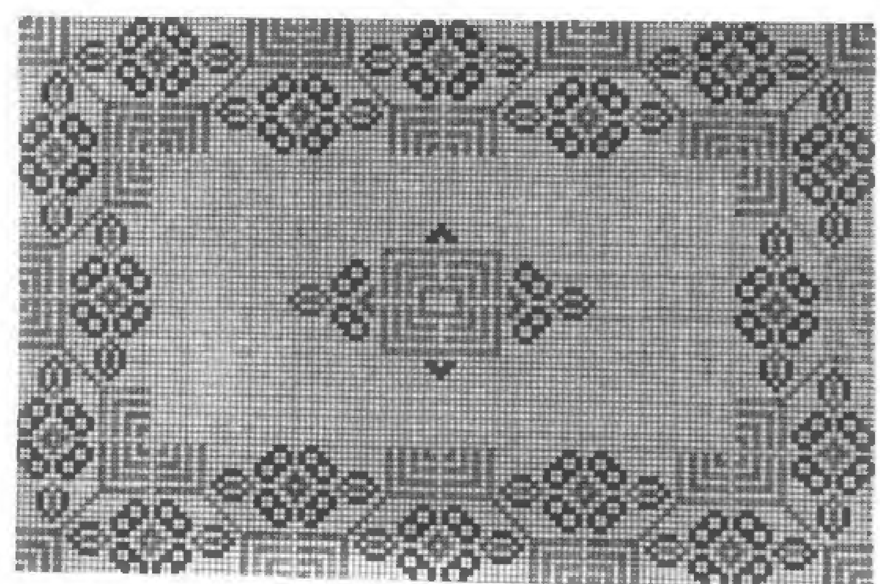
А 01386. Подп. к печ. 6/V 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 390. Заказ 918. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

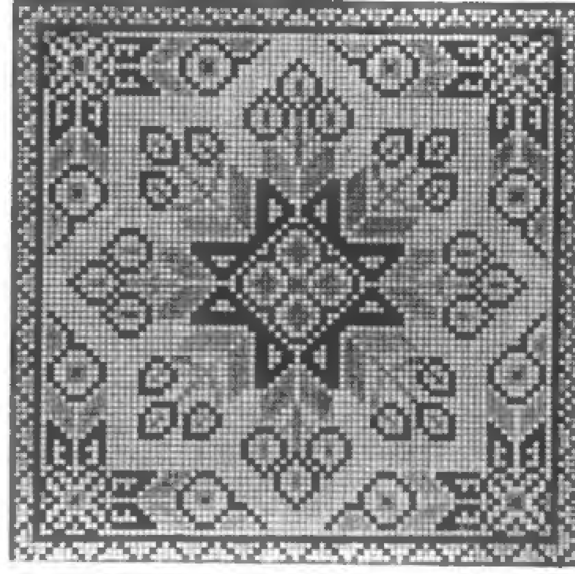
УЗОРЫ ДЛЯ ВЫШИВАНЬЯ

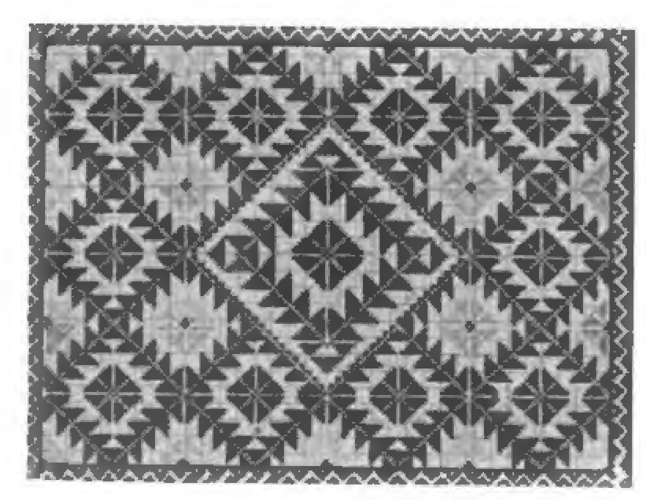
Детский коврик.

Салфетка.

Подушка. Узор для вышивания «болгарским крестом».

Подушка или саше.

С. Самойлова и Э. Ефимова

ДЕНЬГИ ДЛЯ ПОЕЗДКИ НА КУРОРТ
МОЖНО НАКОПИТЬ НА СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КНИЖКЕ

Цена номера 3 руб.

